М.С. ГОРБАЧЕВ

АВГУСТОВСКИЙ ПУТЧ

Новости

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Версия событий и оценки августа 1991 года от Михаила Сергеевича Горбачева. Книжка написана по горячим следам — в сентябре того же года.

- Михаил Сергеевич Горбачев
  - К ЧИТАТЕЛЮ
  - КАК ГРОМ В ЯСНЫЙ ДЕНЬ?
  - ТРОЕ СУТОК НА МЫСЕ ФОРОС
  - ПОРАЖЕНИЕ ПУТЧИСТОВ
  - УРОКИ ПУТЧА
  - ЧРЕЗВЫЧАЙНАЯ СЕССИЯ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР
  - СЪЕЗД НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ
  - КОНТУРЫ НОВОГО СОЮЗА
  - МЫ И ВНЕШНИЙ МИР
  - Я НЕ ВИЖУ ИНЫХ ПУТЕЙ, КРОМЕ ДЕМОКРАТИИ
  - СТАТЬЯ, НАПИСАННАЯ В ФОРОСЕ
  - ЗАКЛЮЧЕНИЕ ВРАЧА ОТ 19 АВГУСТА 1991 ГОДА
  - ЗАЯВЛЕНИЕ М.С.ГОРБАЧЕВА НА ДАЧЕ В ФОРОСЕ В НОЧЬ С 19 НА 20 АВГУСТА 1991 ГОДА
  - ПРИЛОЖЕНИЕ

Михаил Сергеевич Горбачев Августовский путч (причины и следствия)

К ЧИТАТЕЛЮ

Августовские события продолжают находиться в поле обостренного внимания нашей и мировой общественности. Предпринимаются серьезные попытки проанализировать ход и смысл происшедшего, причины и следствия. К сожалению, есть попытки и другого рода – превратить эти события в предмет легковесных спекуляций для возбуждения низменных чувств и нездоровых настроений. Независимо от намерений тех, кто этим занимается, это наносит ущерб тенденции к консолидации общества, к политическому согласию в главном, что сейчас жизненно нужно стране.

Понятно, я тоже постоянно размышляю по поводу случившегося. Что-то сказал уже публично. О многом говорил в беседах за прошедшие недели. И теперь, собрав все это вместе, хотел бы донести свои размышления до читателей. Дальнейший анализ, новые данные, сам ход событий и, разумеется, следствие по делу о государственном преступлении дадут пищу для более всестороннего и основательного осмысления всех обстоятельств и извлечения уроков. Однако убежден, что в основе своей оценки и взгляды, которые я изложил здесь, не будут поколеблены.

М.Горбачев

Сентябрь 1991 года

КАК ГРОМ В ЯСНЫЙ ДЕНЬ?

Тема насильственного переворота, слухи о его подготовке циркулировали в обществе на протяжении многих месяцев. Поэтому переворот не грянул неожиданно, как гром в ясный день. Отвечая не раз на прямой вопрос, я говорил: переворот в нынешней ситуации невозможен, он изначально обречен, на него могут пойти только безумцы. При этом я отнюдь не приуменьшал опасность нагнетания истерии со стороны правых в печати, на пленумах ЦК, провокационных выступлений некоторых генералов, саботажа многих перестроечных решений партийно-государственными структурами на всех уровнях.

Бросая ретроспективный взгляд на события 19—21 августа, должен сказать, что логика глубоких реформ не исключала такого поворота дела. Я допускал, что развитие может принять крайне резкие формы. Основания для таких предположений? Кардинальные изменения затронули весь общественный организм, коренные интересы всех социальных слоев.

Прежде всего я имею в виду партию, правившую от имени народа, не получая на это полномочий со стороны народа. Они затронули армию, втянувшуюся в глубокие реформы в результате реализации политики нового мышления, процесса разоружения, принятия оборонительной доктрины. Реальной стала конверсия военно-промышленного комплекса. Идет она трудно, со многими негативными последствиями. А ведь занятые в этом секторе экономики — это наиболее организованная, интеллектуально сильная, высококвалифицированная часть общества и к тому же пользующаяся определенными привилегиями.

Теперь наложите на это национальные аспекты перестроечного процесса. Прибавьте реформирование собственности,- направленное на изменение мотивации труда, переход к рынку. И многое-многое другое. Все тут сошлось.

Страна вползла в системный кризис. Сама логика развития общества диктовала необходимость глубоких перемен, в ходе которых возникла масса противоречий. Слом старой системы породил нестабильность, хаос. Да и не могли проходить легко реформы в такой огромной стране, десятилетиями находящейся в тоталитарном состоянии при монополии власти, полном господстве государственной собственности. Процесс реформ оказался мучительным, тяжело отозвался на жизни народа.

В этой ситуации путчисты предприняли попытку вернуть страну к тоталитаризму. Но сама ситуация связана также с допущенными медлительностью, непоследовательностью в

политике и практической деятельности, особенно в том, что касается реформ прежнего механизма власти. Я имею в виду промедление с ликвидацией партийной монополии на власть, партийно-бюрократических структур, которые во многом сохранились от прежнего режима, неоправданную терпимость по отношению к тем, кто не принял перестройку, сохранял верность сталинизму и всему тому, что с ним связано, или по крайней мере исповедовал постсталинизм. И на XXVIII партсъезде, и на последующих пленумах ЦК шла изнурительная борьба между сторонниками демократических преобразований и теми, кто всячески стремился их блокировать. Это же происходило в местных партийных комитетах. Старая система уже была подорвана, дезорганизована, но продолжала удерживать все, что могла, и мешала движению вперед.

То, что произошло во время переворота, — решительная схватка сил реакции и демократии, — в какой-то форме должно было произойти. Это было разрешение накопившихся противоречий.

Сейчас многие говорят: неужели Горбачев не предвидел этого? Конечно, возможность острого столкновения между силами обновления и реакции теоретически я допускал. И не только я один. Но какой из этого следовал вывод?

С самого начала кризисных процессов, связанных с коренным преобразованием общества, я стремился предотвратить взрывную развязку противоречий, за счет тактических шагов выиграть время, чтобы дать демократическому процессу приобрести достаточную устойчивость, потеснить старое, укрепить в народе приверженность к новым ценностям. Словом, подвести страну к такому этапу, когда любая подобная авантюра была бы обречена на провал. Моя главная цель — вопреки любым трудностям сохранить курс преобразований, удержать процесс, несмотря на его болезненность, в политических, конституционных формах.

В течение последних примерно полутора лет противостояние между силами прогресса и реакции нарастало. Начиная с декабря, даже с осени прошлого года, оно приняло очень жесткие формы. При этом позиции даже и не маскировались. Постоянно звучали призывы к чрезвычайным мерам, а пленумы ЦК превратились в самые настоящие битвы. Таким был апрельский пленум 1991 года, вызвавший шок в обществе. Таким был и последний пленум, накануне которого 32 из 72 секретарей обкомов КП РСФСР заявили о том, что Горбачева надо призвать к ответу.

Вспоминаю наши беседы с Фелипе Гонсалесом летом в Москве. Тогда я констатировал, и он со мной согласился, что в нашем обществе идет острейшее противостояние между старыми

социально-политическими структурами самим обществом, которое уже глубоко изменилось. Эти структуры были обречены и должны были быть заменены. Мое неизменное желание — сделать это без крови, демократическим путем. Хотя бы раз в истории этой страны избежать кровопролития в период революционных перемен.

Да и как иначе могли себя вести инициаторы перестройки? Какими же тогда они были бы демократами? Как и на мировой арене, мы твердо держали курс, чтобы исключит решение проблем силой, предотвратить попытку реакционного переворота.

В беседе 11 сентября с госсекретарем США Дж.Бейкером я услышал: «Мы в эти дни много размышляли с Джорджем Бушем о Вашей, господин Президент, политике, и теперь поняли Вашу линию маневров и компромиссов. Вы хотели выиграть время, чтобы не дать консервативным силам возможности разрушить курс реформ».

Да, это действительно так. Компромиссная линия был; необходима, чтобы снимать напряжение в моменты серьезных обострений. Так было в сентябре и декабре 1990 года, а потом весной 1991 года, когда в воздухе звучали призывы: «Долой Генсека! Долой Президента!». Причем призывы следовали с разных сторон. Приходилось строить линию поведения в расчете на то, чтобы создать условия для закрепления реформ, для того чтобы общество прониклось ими и обрело силы защищать их. Как раз в такой острой ситуации Президент СССР и руководители 9 республик собрались в Ново-Огареве и выступили с известным теперь и сыгравшим незаменимую роль совместным заявлением. Ново-Огаревский процесс вывел общество на новое понимание необходимости согласия в стране. Повторяю: моя задача все эти годы была — сохранить и спасти политический курс перестройки. В этих целях, я считал, необходимо быстрее двигаться к Союзному договору, осуществлять радикальные экономические преобразования, реформирование партии.

Проект Союзного договора был готов к подписанию. А 20 августа в Георгиевском зале Кремля его намерены были подписать делегации шести республик. В качестве Президента страны я Должен был выступить с речью.

На 21 августа назначил заседание Совета Федерации — для обсуждения плана радикализации реформ, вопросов продовольствия, топлива, финансовой стабилизации и т.д.

Словом, речь шла о глубоком и решительном демократическом прорыве на главных направлениях преобразований, о переходе на новый их уровень, где людям, не желавшим или не способным оторваться от командно-

административного образа мысли и действий, места уже не было. Заговорщики увидели, что их время быстро уходит. И выбрали именно этот момент для своей авантюры. Путч явился реакцией на Ново-Огаревский процесс и его важнейший итог — Договор о Союзе Суверенных Государств.

ТРОЕ СУТОК НА МЫСЕ ФОРОС

Мы прошли трудное испытание. Опасность путча в том, что его организаторы оказались в самом центре руководства, рядом с Президентом. Самое тяжелое, что я пережил в личном плане, — это предательство. Меня это будет преследовать до конца жизни.

Механизм путча был запущен в Москве. Очевидно, все было подготовлено заранее.

18 августа на даче в Форосе, после обеда, я вернулся к работе над текстом речи, с которой должен был выступить при подписании Союзного договора. На 19 августа назначил вылет в Москву. О предстоящем подписании Договора и заседании Совет Федерации накануне был разговор с Ельциным и Назарбаевым. 18 августа — около полудня — разговаривал с Янаевым. Он, между прочим, благодарил меня, что я его предупредил о времени прилета в Москву, обещал обязательно встретить. Затем я разговаривал с Величко (заместитель премьера), Вольским (научно-промышленный союз), Гуренко (первый секретарь ЦК КП Украины). Дементей (Белоруссия) не ответил на мой звонок — его не было на месте. И уже в 16.30 обсуждал по телефону предстоящую речь со своим помощником Шахназаровым. Как известно, 19 августа было заявлено, что я не способен осуществлять свои функции. И из тех, с кем я разговаривал 18-го, только двое опровергли заявление заговорщиков о моей болезни, да и то не сразу, а спустя день-другой.

18 августа в 17 часов без десяти минут мне сообщил начальник охраны, что прибыла группа лиц, которые требуют встречи со мной. Я никого не ждал, никого не приглашал, и меня никто о чьем бы то ни было прибытии в известность не ставил. Начальник охраны сказал, что он также ничего не знал об этом. «Почему Вы тогда пропустили их?» — «С ними приехал Плеханов» (начальник управления охраны госбезопасности), — ответил он. Иначе охрана не пропустила бы их к Президенту. Таковы правила. Жесткие, но необходимые.

Первое желание — уточнить, кто их послал сюда. Поскольку со мной вся связь — и правительственная, и простая, и стратегическая, и космическая, и т.д., — поднимаю трубку одного из телефонов (я как раз работал в кабинете) — молчит. Поднимаю вторую, третью, четвертую, пятую — то же самое. Поднимаю внутренний телефон — выключено. А ведь 20 минут назад связь действовала. Очевидно, заговорщики заранее считали, что со мной не удастся договориться и подготовили вариант изоляции.

Я понял, что эта миссия будет для меня не той, с какими обычно имею дело. Сначала жене, а затем дочери, зятю сказал, что вот — произошло такое событие. Для меня ясно: речь идет об очень серьезном. Не исключаю попытки шантажа или ареста, или чего-то другого. В общем, все, что угодно, может быть. «Вы должны знать, — сказал я Раисе Максимовне, Ирине и Анатолию, — ни на какой шантаж, ни на какие угрозы, ни на какое давление не поддамся и от своих позиций не отступлю».

Но нельзя исключить, что за этим и в отношении к членам семьи могут быть приняты самые жесткие действия.

Вся семья высказалась за то, что это должно быть моим решением: они готовы до конца разделить со мной все, что будет. На этом закончился наш совет.

Я пошел, чтобы пригласить прибывших, но они уже сами поднялись к кабинету — небывалая бесцеремонность. Болдин — руководитель аппарата, Шенин — член Политбюро, секретарь ЦК КПСС, Бакланов — мой заместитель по Совету обороны, бывший секретарь ЦК. Четвертый, кто был с ними, — это Варенников, генерал армии, человек далекий от меня, тем не менее это тот человек, который потом ездил на Украину и предъявлял ультиматум Кравчуку. Плеханов тоже был с ними, но я его выставил из кабинета.

Сразу в начале встречи я поставил вопрос: «Прежде чем продолжать разговор, хочу спросить: кто вас послал?» Ответ: «Комитет».

Затем произошел такой диалог:

— Какой комитет?

— Ну вот — комитет в связи с чрезвычайной обстановкой в стране.

— Кто его создал? Я не создавал, Верховный Совет не создавал. Кто его создал?

Речь со стороны прибывших шла о том, что люди уже объединились и нужен указ Президента. Вопрос передо мной поставлен так: или вы издайте указ и оставайтесь здесь, или передайте полномочия вице-президенту. Бакланов сказал, что Ельцин арестован. Затем поправился: будет арестован по пути.

— В связи с чем так ставится вопрос?

— Ситуация в стране такая — страна катится к катастрофе, надо принимать меры, нужно чрезвычайное положение — другие меры уже не спасут, нельзя больше предаваться иллюзиям…

И так далее.

Мой ответ состоял в том, что я не хуже их знаю политическую, экономическую, социальную ситуацию в стране, положение людей, их жизнь, все тяготы, которые они несут

сейчас. И надо делать быстрее все то, что нужно для улучшения жизни. Но я решительный противник — не только по политическим, но и моральным соображениям — таких способов решения вопросов, которые всегда приводили к гибели людей — сотнями, тысячами, миллионами. От этого мы должны навсегда отказаться. Иначе все, что начали, будет предано и похоронено, и мы опять пойдем по новому кровавому кругу. Если у вас другая точка зрения, давайте ставить эти вопросы на Верховном Совете, выносить на обсуждение Съезда народных депутатов, искать решения. Вообще-то позиция моя им была известна хорошо: я ее заявлял и в Верховном Совете, давал бой на пленумах и в Политбюро Центрального Комитета. Ультиматум их я отверг.

Мне не раз в последние годы удавалось гасить, предупреждать опасное развитие событий. И на этот раз рассчитывал, что поймут, одумаются. Поэтому сказал:

— И вы, и те, кто вас послал, — авантюристы. Вы погубите себя — ну, это ваше дело, черт с вами. Но вы погубите страну, все, что мы уже сделали. Передайте это комитету, который вас послал. Сейчас мы подошли к подписанию Договора. Вместе с республиками подготовлены крупные решения по продовольственным, топливным, финансовым проблемам, с тем чтобы быстрее стабилизировать политическую и экономическую ситуацию, быстрее развивать рыночные процессы, дать людям больше возможности развернуться во всем. Наметилось согласие. Да, его не хватает — мы не избавились от подозрений и с той и с другой стороны. И в отношениях между республиками и центром, и в отношениях между политическим и общественным движением — все это есть. Но единственный путь — искать согласие. Оно появилось, и мы начали продвигаться вперед. Только самоубийцы могут предлагать сейчас вводить чрезвычайный режим в стране. На это я не пойду. Именно в этот момент Варенников заявил:

— Подайте в отставку.

Это наглое требование генерала я отклонил: вы не дождетесь от меня ни того ни другого, передайте это всем тем, кто вас послал сюда. Кстати, есть возможность встретиться со многими руководителями республик и обсудить эти вопросы. 20 августа подписываем новый Союзный договор. На 21 августа назначено заседание Совета Федерации; будем обсуждать все вопросы. Будем договариваться о том, о чем не смогли договориться в Кабинете Министров. Надо добиваться решений. Но не таким путем, как вы хотите.

Ну вот вы завтра чрезвычайное положение объявите. А что дальше? Вы хоть спрогнозируйте на один день, на четыре шага — что дальше? Страна отвергнет, не поддержит эти меры. Вы хотите

сыграть на трудностях, на том, что народ устал, что он уже готов поддержать любого диктатора…

…Кстати, в эти дни я как раз работал с товарищем Черняевым над крупной статьей. О ситуации в стране, о возможных вариантах ее развития. И один из таких сценариев чрезвычайщины там был. И вот его персонажи тут появились. Моя аргументация по этому сценарию состояла в том, что это — гибель для общества, тупик, это отбросит страну и похоронит все, что мы теперь имеем…

— Я предлагаю созвать Верховный Совет, Съезд и все решать. Вы обеспокоены нынешней ситуацией? Она беспокоит всех нас. Вы считаете, что нужны срочные неотложные меры. Я такого же мнения. Давайте соберемся и будем решать. Я готов пойти на созыв Съезда народных депутатов, Верховного Совета, раз у части руководства есть сомнения. Давайте собираться, давайте обсуждать. Депутаты знают, что происходит на местах. Давайте принимать меры. Я буду отстаивать три главных направления: путь согласия, путь углубления реформ, сотрудничества с Западом. Тем более что есть встречные желания народов сотрудничать с нами сейчас на этом решающем этапе.

Но это был разговор с глухонемыми. Машина была запущена — теперь это ясно. Я сказал:

— Все, другого разговора не может быть. Доложите, что я выступаю категорически против ваших замыслов, и вы потерпите поражение. Но мне страшно за народ и за то, что мы сделали за эти годы…

Наиболее грубо вел себя Варенников. Был такой момент. Я сказал: «Не помню, как Вас зовут (помнил, конечно!), Валентин Иванович? Так вот, Валентин Иванович, общество, народ — не батальон: скомандуешь: направо или налево марш! — и все пойдут, куда скажете. Не будет так. Помяните мое слово».

А в конце разговора я послал их туда, куда в подобных случаях посылают русские люди. Вот так все и закончилось.

По ходу беседы несколько раз повторял:

— Одумайтесь, дело кончится гражданской войной, большой кровью, Вы ответите за это. Вы — авантюристы и преступники, у вас все равно ничего не выйдет. Не тот стал народ, чтобы смириться с вашей диктатурой, с потерей всего, что завоевано в эти годы.

После того, как на свой ультиматум они получили мой ультимативный отказ, все пошло уже по логике противоборства. Путчисты наглухо изолировали меня от внешнего мира, причем и с моря, и с суши, устроили, по сути, психическое давление Полная изоляция. Уже в Москве я узнал, что с этой целью

погранотряд и группа пограничных сторожевых кораблей были переданы в прямое подчинение Плеханову и Генералову (его заместитель). Осталось со мной 32 человека из охраны. Скоро я узнал их позицию. Они решили стоять до конца, разделили сферы защиты, распределили все места.

Логику последующих действий путчистов было нетрудно предсказать: на основе подлога взять власть и употребить ее в своих целях. Подтверждение тому — пресс-конференция 19 августа этого так называемого Государственного Комитета по чрезвычайному положению. Они объявили, что я не способен по состоянию здоровья выполнять функции Президента, более того, пообещали в ближайшее время представить медицинское заключение. Значит, сделал я вывод: если факты не соответствуют их заявлениям, то есть состояние Президента является другим, то надо его любыми способами довести до такого состояния, чтобы он действительно был сломлен физически и психически.

То же самое пеняли и товарищи из охраны. И решено было отказаться от заказов пищи, которую привозили каждый день извне, жить на запасах и тем, что выдавалось в столовой охраны. Повысить бдительность во всем.

Для меня (думаю, и для других) большее значение имело не то, что они говорили на пресс-конференции, а их жалкий вид. Я был абсолютно хладнокровен, хотя до глубины потрясен и возмущен политической слепотой и преступной безответственностью этих людей. Был уверен, убежден, что все это долго продолжаться не может — у них не пройдет.

Еще днем 19 августа я передал требования немедленно восстановить связь, прислать самолет для отлета в Москву. Ответа не последовало.

После пресс-конференции я решил немедленно записаться на видеопленку. Четыре записи сделал, разрезали пленку ребята — Ирина и Анатолий — на четыре части, и мы начали искать каналы, чтобы как-то отправить эту пленку за пределы.

Врач записал свое мнение в нескольких экземплярах, чтобы все знали о подлинном состоянии здоровья Президента.

Продиктовал Черняеву четыре пункта требований. После перепечатки на машинке от руки добавил обращение и подпись, чтобы было видно, что это написано мной лично. Вот этот текст, воспроизводимый фотографически.

Довожу до сведения съезда
народных депутатов СССР, Верхн
Ново совета СССР заявление:

I. Принятое на себя Г.И.Янаевым исполнение обязанностей Президента под предлогом моей болезни и невозможности исполнять свои обязанности есть обман народа и, таким образом, не может быть квалифицировано иначе, как государственный переворот.

2. Это значит, что и все последующие действия являются незаконными и неправомерными.

Ни Президент, ни Съезд народных депутатов таких полномочий Янаеву не давали.

3. Прошу передать т.Лукьянову мое требование о срочном созыве Верховного Совета СССР и Съезда народных депутатов для рассмотрения сложившейся ситуации.

Ибо они и только они, рассмотрев возникшую обстановку, вправе решить вопрос о необходимых государственных мерах и механизме их реализации.

4. Требую немедленно приостановить действие Государственного комитета по чрезвычайному положению впредь до принятия упомянутых решений Верховным Советом или Съездом народных депутатов СССР.

Продолжение этих действий, дальнейшая эскалация принимаемых ГКЧП мер может обернуться трагедией для всех народов, еще больше обострить обстановку, а то и полностью сорвать начатую согласованную работу Центра и республик по выходу из кризиса.

Президент СССР
М. Горбачев

Крым,
20.VIII. 1991 года.

Я требовал ответа. На этот раз мне сказали: ждите, будет. Но ничего не было. Вот такая ситуация.

Каждый день, утром и вечером, я выдвигал и передавал требования о том, чтобы связь была восстановлена, чтобы немедленно прибыл самолет и я мог вылететь в Москву к месту работы. После пресс-конференции Янаева и компании выдвинул требование опубликовать опровержение сообщения о состоянии моего здоровья — сообщения этих очень здоровых людей, у которых руки тряслись.

Уже в Москве двое врачей принесли мне записку, в которой написали, какого свидетельства добивались от них: Горбачев, дескать, находится под угрозой ареста, его надо спасать, «усилить диагноз», заявив, что он тяжело болен. Требовали сделать это до 16 часов 19-го, до пресловутой пресс-конференции, наверное, чтобы там объявить об этом. Причем было написано, что 16 августа произошло нарушение мозгового кровообращения, состояние Президента тяжелое, он лежит в постели, не соображает вообще, о чем идет речь и так далее. Хотя и 16, и 17, и 18 августа я вел интенсивные переговоры по поводу предстоящих важных событий — подписания Договора, заседания Совета Федерации.

Самый тяжелый момент — отсутствие информации. Выключено было все, кроме телевизора, где сообщения ГКЧП чередовались с фильмами и выступлениями оркестров. Но офицеры охраны — люди соображающие — нашли какие-то старые приемники в служебных помещениях, приспособили антенны и начали ловить иностранные передачи. Лучше всех слышно было Би-Би-Си, «Свободу». Потом появился «Голос Америки». Анатолий приспособился слушать западную волну карманным «Сони». Начали собирать, обобщать информацию, оценивать развитие ситуации.

То, что с нами произошло в эти дни, заслуживает серьезного анализа. Но я отвергаю всякие домыслы о позиции Президента. Позиция Президента была принципиальной, и это спутало карты путчистов, открыло возможности для того, чтобы мы, объединяя усилия со всех сторон, нанесли им поражение.

Провалилась попытка шантажировать Президента, заставить его издать указ о чрезвычайном положении, передать полномочия, отказаться от должности.

И я категорически отвергаю всяческие намеки, будто Президент оказался не на высоте и чуть ли не занимался тем, как спасти шкуру.

Силы, потерпевшие поражение, будут стараться придумать что угодно. Пойдут на грубейшие вымыслы, будут пытаться бросить тень на Президента, демократические силы, скомпрометировать их.

Ходит и такое: я, мол, знал о предстоящем путче. При этом ссылка делалась на интервью, данное 19 августа Лукьяновым. Следствие покажет все. Так же как цену запущенного слуха, будто Горбачев имел ненарушенную связь, но устранился, чтобы отсидеться и приехать потом «на готовенькое». Так сказать, беспроигрышный вариант. Если путч удался, то Президент, давший ГКЧП шанс, выигрывает. Если путч проваливается, он

опять прав. С разных сторон пускаются подобные «утки». Кстати, тот же Бакланов 18 августа, добиваясь от меня согласия на введение ЧП или передачу полномочий Янаеву, рассуждал в том же духе, что и нынешние мастера подлых дел. Он, призывая меня поддержать комитет, говорил: «Вы отдохнете, мы сделаем в ваше отсутствие «грязную работу» (!!), и вы вернетесь в Москву».

Странное совпадение. Не правда ли? Но если уж те три дня не выбили меня из колеи, то сейчас это тем более не пройдет.

* * *

Раиса Максимовна вела себя мужественно, как и все члены семьи, хотя понимала, о чем идет речь. И я горжусь своей семьей. 18 августа я еще надеялся, что те, кто в Москве, выслушав сообщение о встрече со мной, одумаются, остановятся. Утренние сообщения (телевизор нам удалось включить — каким образом, я сказал выше — 19 августа) опрокинули мои ожидания, надежду, что заговорщики образумятся.

Вместе с семьей, Черняевым принял решение, несмотря на всевозможные «случайности», быть на виду — пусть все видят, что Президент жив, здоров, в нормальном состоянии. И пусть сопоставляют, делают выводы.

В тот момент, когда Би-Би-Си сообщила, что в Крым едет группа заговорщиков вроде бы с целью предъявить российской делегации, советскому народу и общественному мнению, в каком состоянии находится Горбачев, мы все восприняли это так, что задумано что-то коварное. Вот в этот момент и случился у Раисы Максимовны тяжелый приступ, который имел последствия. Я об этом говорил. Хорошо, что мы оказались рядом.

Лучше всех пережила происшедшее Анастасия, внучка… Она ничего не понимала, бегала, требовала вести ее на море… И приходилось вести. Но потом охрана настояла на том, чтобы отказаться и от этого, потому что может произойти, предстоят нелегкие времена. Это могло том, чтобы отказаться и от этого, потому что может произойти всякое. …И все же тяжелее всего пережили эти трое суток Раиса Максимовна и Ирина.

ПОРАЖЕНИЕ ПУТЧИСТОВ

Три августовских дня – это рубеж. Я иногда говорю: то, что было до путча, это, так сказать, до новой эры, а сейчас началась новая эпоха.

Повторюсь: в какой-то степени я предвидел, что такое может произойти, предстоят нелегкие времена. Это могло случиться еще осенью прошлого года. Основная моя задача состояла в том, чтобы выдержать курс на коренное реформирование общества, уберечь этот сложнейший процесс от перегибов и больших срывов. Этому были подчинены все тактические шаги и действия.

Случись путч полтора-два года назад, он, пожалуй, мог бы и удаться. Ныне же общество совершенно изменилось. Те, кому пять лет назад было 13—15 лет, стали восемнадцати-двадцатилетними. Они выросли в другой атмосфере. И они же стали самыми отважными защитниками демократии.

Изменилось общество, изменилась и армия как часть его. Офицеры и солдаты отказались пойти против собственного народа, несмотря на то, что грозил трибунал. Так же поступили и правоохранительные органы, даже части спецназначения. И в этом просчитались путчисты — они не учли, что общество ныне уже совсем не то, каким было несколько лет назад.

Оно вдохнуло воздуха свободы, и уже никому этого у него не отнять. Да, народ хочет законности и стабильности, но не через диктатуру, не через чрезвычайщину. Да, народ устал от ожидания улучшения жизни. Но люди хотят, чтобы выход из кризиса был найден в рамках демократии, а не за счет свободы, человеческих прав, не путем насилия.

Глубоко просчитались путчисты в оценке качества новых отношений страны с партнерами на Западе. Проигнорировали огромные принципиальные изменения в международном положении нашего государства, особенно в отношениях с народами США и Европы. Поначалу, может быть, и были некоторые колебания в оценке путча, однако очень скоро подавляющее большинство правительств зарубежных стран сказали решительное «нет» путчистам и отказались от всякого сотрудничества с ними.

Оба фактора во взаимодействии — демократические завоевания перестройки к новые отношения с внешним миром — предопределили поражение путчистов.

Я был всегда убежден — даже тогда, когда от меня ультимативно требовали передать полномочия вице-президенту или заявить об отставке, «чтобы спасти Отечество», — что

авантюра не пройдет и авантюристы потерпят поражение. Они толкали страну, народ к катастрофе. И за это должны ответить.

Замыслы были далеко идущие: прежде всего нанеся удар по авангардным демократическим силам, которые несут ответственность за демократические преобразования в стране и держатся, несмотря на все перипетии и трудности. В этом — главный замысел. И элементом его был шантаж по отношению к Президенту страны и сообщение, что Президент России арестован. Иначе говоря, расчет был — нанести удар, изолировать меня, если я не соглашусь на сотрудничество с реакцией, и изолировать Президента Российской Федерации. Следствие и суд покажут, только, ли изолировать.

Но демократические силы показали, что они способны, объединяясь, взаимодействуя, отстоять путь к продолжению реформ и преобразований, путь к новому обществу.

Самыми трудными были день 19 августа и ночь с 20-го на 21-е. Хотя уже 20 августа было видно, что ничего у путчистов не получается. Спутали их планы позиция Президента СССР и российского руководства. И в республиках начался поворот. А сначала некоторые, было, заколебались.

Огромную роль сыграла борьба, организованная против путчистов Б.Н.Ельциным. Он занял мужественную позицию, действовал решительно, беря на себя всю ответственность. В тех чрезвычайных обстоятельствах это было оправдано и, вернувшись в Москву, я подтвердил принятые им в дни путча указы. Считаю, что в той обстановке россияне действовали, исходя из высших интересов. То, что они делали; было продиктовано ситуацией. Без этой твердой позиции события могли бы приобрести более драматический характер.

Но при этом я должен сказать и о принципиальной и отважной позиции москвичей и ленинградцев, жителей многих областей России. В срыве заговора большую роль сыграла позиция президентов и парламентов большинства республик, местных Советов. Они сумели твердо встать на защиту законности и своих суверенных прав, В этот трудный час большинство журналистского корпуса, средств массовой информации безошибочно выбрало, где и с кем им быть, не испугалось, не струсило, не стало лебезить перед узурпаторами. Попытка путчистов создать видимость, будто вся страна прямо чуть ли не поддержала их, оказалась жалкой, смешной.

Таким образом, ново-огаревский процесс сработал. Вовремя мы его сотворили, и в острой ситуации он сработал.

Заговорщики попытались осуществить самое страшное - направить армию против народа. Но и это у них не прошло.

Многие командиры, офицеры, большинство солдат, целые части и соединения отказались выполнять их приказы. Остались верными присяге, встали рядом с отважными защитниками демократии.

Кстати, когда говорят о генералах, давайте не забывать, что генерал Шапошников не пошел с заговорщиками. А ведь нужно-то было всего три самолета — и от «Белого дома», да и от Кремля остались бы руины. Командующий Ленинградским округом Самсонов после разговора с мэром заявил: будьте спокойны, войск в Ленинграде не будет. Об этом мне говорил А.А.Собчак.

Армия показала, что она уже другая: в результате трудных больших и болезненных перестроечных процессов у нас рождается новая армия. И надо отдать ей должное. В противном случае путчистам было бы просто реализовать свои планы.

Сейчас много рассуждений относительно интеллектуальных способностей участников переворота. Согласиться с ними — значит допустить большие упрощения. Отнюдь. Тогда в чем же дело? Думаю, что все — в их политической позиции. Они не приняли перестройку, демократические преобразования и пошли на преступные шаги, рассчитывая, прежде всего, на недовольство людей.

Путчисты прибегли к чудовищному обману, заявив, что Президент тяжело болен, недееспособен. Самое страшное в этом — предательство. Конкретно — о Лукьянове. В коридоре, после одного из заседаний. Верховного Совета, он встретил меня, Мы с ним не разговаривали после его появления в Форосе 21 августа. Да и желания разговаривать у меня уже не было. Я надеялся на Лукьянова — считал, что он не предаст ни наше дело, ни меня. Сорок лет, со студенческих времен, нас связывали товарищеские отношения. Трусостью его поведение объяснить нельзя, интеллектуальными способностями — в этом случае исключено, значит — расчет! Следствие покажет.

Теперь все увидели, что не зря мы эти шесть лет с таким трудом и в таких неординарных и сложных условиях искали пути движения вперед. Общество многое приобрело. Обрело свободу. Страна отвергла попытку толкнуть ее на кровавый путь. Я думаю, лучший аргумент, более авторитетный плебисцит трудно было бы придумать.

Из всех разговоров, которые я имел в первые часы и дни после возвращения в Москву, — с Дж.Бушем, Ф.Миттераном, Х.Колем, Д.Мэйджором, Дж.Андреотти, Б.Малруни, Р.Хоуком, Т.Кайфу, Х.Мубараком, с другими главами государств и правительств — никто путчистов не одобрил. Кроме Каддафи и Хусейна.

Когда стало ясно, какую непримиримую позицию заняли

Россия, ее руководство, другие республики, большинство народа, когда стало очевидным, что армия не пошла за хунтой, самозваный комитет в панике начал искать выход.

И вот примерно часов в пять вечера 21 августа, мне докладывают, что в Крым на президентском самолете прибыла группа заговорщиков. Тогда я не знал, что между руководством России и ГКЧП шел разговор, в котором путчисты приглашали Б.Н.Ельцина вылететь в Крым вместе с ними, чтобы он сам убедился в состоянии здоровья М.С.Горбачева. Когда они явились на территорию дачи, я сказал, чтобы их взяли под стражу. И передал требование, что ни с кем из них не буду разговаривать до тех пор, пока не будет включена правительственная связь. Ответили через охрану: это, мол, долго. Ничего, велел им передать, я подожду.

Связь была включена. Связисты сообщили, что со мной хочет переговорить Крючков. Я ответил — пусть ждет. И сразу связался с Б.Н.Ельциным, Н.А.Назарбаевым, Л.М.Кравчуком, Н.И.Дементеем, И.А.Каримовым. Затем связался с генералом Моисеевым и сообщил ему, что Язова я отстраняю от обязанностей, возлагаю на него временно его функции, потребовал все войска вернуть в места расположения. Начальнику правительственной связи дал указание отключить телефоны у всех заговорщиков. Через некоторое время он доложил об исполнении моих поручений. Коменданту Кремля дал указание задержать всех ГКЧПистов Кремле. Моисееву и Панюкову (министру гражданской авиации) поручил обеспечить посадку самолета с российской делегацией во главе с вице-президентом Руцким на военном аэродроме в Бельбеке. Из Фороса состоялся разговор с Президентом Бушем.

Должен был позвонить матери. Но не получилось. До сих пор переживаю. Но в Москве мы с Раисой Максимовной сразу же соединились и говорили с обеими нашими матерями, Марией Пантелеевной и Александрой Петровной.

Мне доложили, что настойчиво просят принять их Ивашко и Лукьянов, которые утверждали, что не связаны с заговорщиками. Их я потом принял. В беседе участвовали Бакатин, Примаков, Черняев. Других — Крючкова, Бакланова, Язова не принял, И не видел их. Мы их разделили по самолетам, привезли в Москву, а при выходе из самолета Язов и Крючков были арестованы и изолированы. Бакланова арестовали после получения согласия Верховного Совета.

Путч сорван. Но кровь была пролита. Пали жертвой защитники свободы. Я приношу глубочайшие мои соболезнования их семьям, родным и близким, их друзьям и коллегам. Их имена

должны, быть запечатлены на памятных досках в местах их гибели. Оки останутся в нашем сердце. Хочу подтвердить сказанное мною в те дни карательные меры, юридическая ответственность за путч должны распространяться на его организаторов, непосредственных его участников.

Демократы, те, кто нанес поражение путчистам, должны все сделать, чтобы у людей не сложилось мнение, что сейчас будут искать «крайних», каких-то «ведьм», расширяя круг ответственных. Нет, наказание должны понести организаторы и виновники путча. Я обратился ко всем прокурорам, союзным и республиканским МВД, КГБ — руководствоваться только таким подходом. Такова точка зрения и руководителей республик, с которыми я на этот счет говорил.

Августовские события я назвал рубежом. После возвращения из Крыма, после «блокады», меня поразило состояние общества. Страна была в шоке, в смятении. Сразу после провала путча и как реакция на него возник мощный процесс дезинтеграции страны. Последовала серия демонстративных актов и деклараций о независимости. Это была своего рода самозащита республик в ответ на переворот.

Нарастала тревога в связи с усилившейся угрозой распада Советского Союза, Мы должны реалистически оценивать реакцию на путч в стране. То, что были силы, которые симпатизировали путчистам или заняли нейтральную позицию, нельзя не учитывать, недооценивать. Реакция обезглавлена, но положение остается сложным. Оно не стало легче, хотя и открылись новые огромные возможности для продолжения демократических преобразований.

Случившееся — это тяжелый урок лично для меня. За прошедшие дни и недели переосмыслено, передумано многое. И я сделал выводы из трагедии, которая с нами произошла. Говорили, что я приехал в другую страну. Согласен. Могу добавить: в другую страну из Крыма вернулся человек, который смотрит на все — и на прошлое, и на сегодняшний день, и на перспективу — другими глазами. Во всяком случае, никаких колебаний, выжидания в проведении реформ я не допущу, пока остаюсь Президентом. И компромиссов с теми, с кем непозволительно искать соглашения, отныне не будет.

Но сегодня, может, еще больше чем вчера, я желаю, чтобы все, что мы делаем, шло в рамках демократии и без крови. В общем, надо было действовать. Многое еще не было ясно. Начиналась новая эпоха…

УРОКИ ПУТЧА

Всякий раз, анализируя происшедшее, докапываясь до сути, хочу понять, что толкнуло людей на предательство. По-видимому, дело не только в ошибках при подборе людей. Ведь среди них те, которых я знаю и с которыми работал много лет. Значит, перестройка обнажила действительно фундаментальное различие во взглядах относительно того, к чему мы должны в конечном счете прийти. То, на что выводила нас перестройка, эти люди оказались не в состоянии понять и принять,

Августовские события подтвердили необратимый характер изменений, к которым привели демократизация и гласность. Произошел настоящий прорыв к новой жизни. Огромные массы людей осознали себя гражданами, для которых - вопреки всем тяготам повседневности — свобода стала высшей ценностью.

Переворот не удался также и потому, что окружающий мир осудил путч, выступил в защиту нашей демократии, рассматривая ее как часть всего демократического мира. Такая позиция естественна: Советский Союз благодаря новому мышлению и основанной на нем внешней политике перестал быть антагонистом в этом мире. В успехе перестройки видят теперь необходимое условие безопасности и прогресса всего человечества.

Мы должны судить обо всем трезво, быть беспощадными в анализе, твердо стоять на позиции реализма и признать, что были условия, с которыми заговорщики связывали свои планы. Были просчеты в социально-экономической сфере и в том, что касается демонтажа старых структур. Да и ново-огаревский процесс нужно было начинать раньше.

Путчисты рассчитывали на массовое недовольство людей ослаблением порядка в стране, неспособностью власти обеспечить личную и имущественную безопасность. Хотели поэксплуатировать тревогу в обществе по поводу опасностей, связанных с национальными конфликтами и угрозой дезинтеграции страны.

Они рассчитывали также и на то, что демократические силы как следует еще не осознали жизненной необходимости взаимодействия и сотрудничества. Действовали разрозненно, вступая в политическую борьбу друг с другом. Нас, тех, кто по существу был привержен одним и тем же целям, разделяли. Иногда удавалось разводить по разные стороны политических баррикад. Я не раз говорил, что, когда приверженцы демократии, демократические течения сталкиваются, включаются в

политическую борьбу между собой, — это самый большой подарок тем, кто против курса преобразований в стране. Сказалась недостаточная прозорливость и ответственность демократов за общее дело. В полной мере отношу это и к себе.

Да, заговорщикам не удалось до конца осуществить преступный замысел — бросить армию против населения. Армия оказалась со своим народом. Но произошло все-таки так, что оказалось возможным ввести огромное количество войск, танков, другой бронетехники на улицы — без подтверждения со стороны высшего законодательного органа страны. Этот факт налицо, значит, в нашем механизме не все в порядке.

Не была проведена явно необходимая реорганизация Комитета государственной безопасности. Конечно, работники службы госбезопасности защищают интересы государства с помощью разведки и контрразведки. Этим и должен заниматься Комитет. Однако наряду с этим — даже в условиях глубоких демократических преобразований — он все еще сохранялся в той или иной части в качестве механизма, по сути дела, политического сыска и идеологической борьбы.

Заговорщикам не удалось бы осуществить свои планы, если бы на их пути твердо и решительно встали Верховный Совет СССР и его Председатель. События требовали немедленного созыва Верховного Совета. Россия сразу это сделала, и это сыграло огромную роль в сопротивлении путчу. А вот Верховный Совет СССР не смог реализовать свои конституционные полномочия.

Где был его Президиум? Где были сами депутаты? Почему они не бросились сразу в столицу? Когда подобная ситуация возникает, казалось бы, без всяких телеграмм, вызовов и объявлений всем надо быть в столице, там, где работает высший орган власти.

Ведь, если бы Верховный Совет собрался 19 августа, путч был бы остановлен в самом начале. Значит, нужно выработать конституционный механизм, который исключал бы повторение случившегося. Какие бы авторитетные люди ни возглавляли Верховный Совет, должен быть механизм, обеспечивающий в критических, судьбоносных для страны ситуациях немедленное, незамедлительное включение нашего высшего законодательного органа, каким является Верховный Совет, в защиту законности, правопорядка; прав граждан.

В том, что не сработал механизм Верховного Совета СССР, в том, что позорно беспомощными и трусливыми оказались перед лицом заговора многие члены Кабинета Министров, в том, что во главе трех организаций, располагающих вооруженной силой, находились люди, способные пойти на государственный

переворот, я, как Президент, несу свою большую, точнее — бо льшую ответственность.

Нужно извлечь все уроки, и не только в морально-политическом плане. Необходимо выработать и установить надежный конституционный и общественный контроль за деятельностью Вооруженных Сил и правоохранительных органов. Безотлагательно реорганизовать Комитет государственной безопасности.

И тут уже многое делается, решается, меняется.

Главный урок для нас из августовских событий: ускорить движение по пути демократических преобразований.

Прежде всего надо снять все преграды и препоны, которые создавались старыми структурами и людьми на пути к рынку, предоставить полную свободу предпринимательству, устранить монополизм, методы принуждения и диктата сверху, ускорить создание основных институтов рыночной экономики.

С этой целью я поддержал предложение создать Совет предпринимателей при Президенте страны. И он уже внес свои первые проекты, направленные на содействие предпринимательству во всех секторах экономики.

Надо решительно пойти на то, что даст второе дыхание земельной реформе. Земля есть, и должны быть сняты все преграды, препятствующие предоставлению ее всем, кто хочет обрабатывать. Здесь крестьянам необходима государственная поддержка. Все эти вопросы мы должны решать этой осенью и зимой. Очевидно, и в этом случае надо использовать инициативу общественности.

Мы не можем откладывать больше кардинальную перестройку кредитно-финансовой политики, нужны решительное сокращение бюджетных расходов и бюджетного дефицита, нормализация денежного обращения.

Нужна реорганизация всей внешнеэкономической сферы: валютных отношений, использования кредитов, экономической помощи, надо ускорить выход на реализацию крупных проектов.

Избавиться от необоснованных обещаний и неосуществимых программ, от экономического популизма. Сосредоточить внимание на основных вопросах социальной защиты трудящихся в условиях перехода к рынку: поддержании уровня жизни населения, особенно малообеспеченных, обеспечении работой, жильем.

Времени терять нельзя. Если не дать почувствовать, что мы действуем, лишимся доверия людей. Ведь подавив путч, мы — повторяю — только ударили по голове дракона. Сохраняются силы реакции, и силы реальные. Они предпринимают шаги к

консолидации, рассчитывая на наше бездействие и неповоротливость.

И еще. Все мы, те, кто сокрушил этот заговор, кто стал стеной на пути преступных замыслов, не должны ни в коей мере дать разыграться эмоциям, желаниям, взять на вооружение те методы, к которым прибегли заговорщики. Такая опасность есть. Но, если бы она стала реальностью, мы растеряли бы все, что приобрели в результате поражения путча.

Сейчас нужно быть очень внимательными, держать нервы, не поддаваться на провокации. Впереди много трудной работы. Прежде всего надо сделать все, что позволило бы улучшить жизнь людей. Это сейчас самое главное.

То, что мы пережили в последнее время, — настоящая драма, до предела обострившая все проблемы и противоречия. Но, с другой стороны, эти события, как весеннее половодье, смели многое, что мешало нам продвигаться вперед. Нужно использовать сложившуюся обстановку, чтобы ускорить решение всех наших проблем. Можно считать, что это была своего рода аварийная остановка в пути, и теперь нужно еще решительнее двигаться вперед, в полной мере использовать новый исторический шанс, открывшийся перед страной.

Как человек, возглавлявший с 1985 года КПСС, не могу обойти вопрос об отношении к коммунистам. Моя позиция такая: я — решительный противник того, чтобы устраивать в стране антикоммунистическую истерию, гонения против миллионов коммунистов — честных людей, ничем себя не запятнавших. Долгое время я действительно считал, что КПСС может обновиться. Но в результате августовского путча эти надежды перечеркнуты. Это я понял спустя некоторое время по возвращении из Крыма.

В руководстве партии, в первую очередь в Секретариате ЦК, оказались люди, у которых не хватило мужества выступить против путча, в защиту законности, Генсека и добиться встречи с ним. Поддержав, по существу, ГКЧП, они дезориентировали партию, подтолкнули ее на гибельный путь. Многие комитеты приняли решение помогать путчистам.

Говоря об ответственности руководящих органов, считаю принципиально важным отделить миллионы рядовых членов партии от партийной бюрократии. Я это сказал сразу же, как только у меня появилась возможность, 22 августа. Повторюсь, но еще раз скажу: переворот перечеркнул надежду на реформирование КПСС, превращение ее в демократическую, современную партию. Поэтому я сложил с себя обязанности Генерального секретаря и предложил ЦК самораспуститься.

В республиках идет реорганизация партий, меняются их программные установки, названия. Возможно, со временем в стране сложатся две крупные партии, социалистическая и демократическая. Главное, чтобы рядовые коммунисты, не имеющие никакого отношения к путчу, могли самостоятельно и без какого-либо давления сделать свой выбор.

Я отношусь к людям, которые никогда не скрывали своих позиций. Являюсь убежденным приверженцем социалистической идеи. Эта идея пробивает дорогу на протяжении многих веков. У нее много сторонников, они возглавляют правительства ряда государств. Есть разные ветви социалистического движения, ибо оно — не какая-то модель, под которую надо подгонять общество. Нет, это идея, именно идея, которая включает в себя ценности, выработанные в ходе поиска более справедливого общества, лучшего мира. Она питается и многими достижениями христианства, других философских течений. Идеи социализации присутствуют во многих общественных и политических течениях.

Я считаю себя демократом, исхожу та того, что социалистическая идея без демократии, без правильного и надежного решения социальных вопросов невозможна. Рассуждая о социализме, мы должны отдавать себе отчет в том, что крах потерпела модель социализма, которая была в нашей стране, а не сама социалистическая идея.

Иной раз задают вопрос: Октябрьская революция — это катастрофа или все-таки истинная революция? Понимаю, почему такой вопрос возникает. Потому, что исторические результаты, на которые рассчитывали люди, делавшие революцию, не оправдались. Но это не были результаты реализации идей Октября, подлинно народной революции. То были результаты насильственного внедрения сталинской модели общества. Тут нельзя, не следует путать одно с другим.

Что же касается моих собственных взглядов, то я все эти годы делал все, чтобы покончить со сталинизмом. Без этого нечего и думать о реализации социалистической идеи. Сотворить жизнь в каждой стране должны сами люди. И мы призваны наращивать, развернуть процессы демократизации во всех сферах. Думаю, что все это — движение к большей справедливости по отношению к человеку, утверждению его прав и свобод, прав и свобод народов. Это и есть движение в направлении реализации социалистической идеи. Таково мое понимание проблемы.

В некоторых, особенно яростных выступлениях после августовских событий, звучали требования к Верховному Совету и правительству Российской Федерации и Верховным Советам и правительствам других республик изгнать социализм с

территории Советского Союза. Очень опасная утопия. То, что эту задачу никому не удастся решить — ясно. И что это очередной вариант крестовых походов, религиозных войн на нынешний манер, способный ввергнуть страну в гражданский конфликт, — тоже ясно.

Мы провозгласили в стране свободу убеждений, политический плюрализм. Выдвигать задачу изгнать социализм с территории Союза — это и есть «охота на ведьм». Человек определяет свою позицию, выбирает движение, партию или вообще стоит вне движения, партии. Таков принцип свободы выбора, которому мы присягнули. И этому надо строго следовать в жизни.

ЧРЕЗВЫЧАЙНАЯ СЕССИЯ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

Готовясь к сессии, которая открылась 26 августа, я видел перед собой две кардинальные задачи.

Первая. Несмотря ни на что, в итоге мы должны добиться укрепления законности и правопорядка. Другой подход просто недопустим, неприемлем. Чувства справедливости, гнева понятны. Но нельзя под их воздействием встать на путь стихии, беззакония. Это бы скомпрометировало победу над путчистами и, по сути дела, сработало бы на тех, кто хотел смуты.

Справедливость требует оценки действий тех должностных лиц, которые могли, но не оказали противодействия перевороту, заняли выжидательную позицию, а то и готовы были пойти на поклон к преступному комитету по чрезвычайному положению. Раз они не нашли в себе мужества встать на защиту закона, не ушли в знак протеста в отставку — пусть сделают это сейчас.

Но нельзя после всего случившегося встать на путь преследований, действовать, как действовали в былые времена. Нет. Мы должны оставаться в рамках демократки и гласности, продвигаясь к правовому государству.

Словом, я не приемлю огульных обвинений. Надо разбираться с каждым случаем отдельно, и только так. Не должно быть снисхождения, но не должно быть и беззакония. Недопустимы расправы с политическими противниками, преследование за инакомыслие, за принадлежность к тем или иным политическим организациям. Наше общество, пережившее чудовищные репрессии сталинского режима, десятилетия произвола, особенно чувствительно к таким вещам.

Вторая. Я считал самым важным возобновление процесса, связанного с Союзным договором. Заговорщикам удалось сорвать намеченное на 20 августа его подписание. Рядом с заявлением так называемого комитета по чрезвычайному положению было опубликовано заявление Лукьянова, которое затем, как я узнал, непрерывно передавалось средствами массовой информации. В нем он пытался доказать, что Договор не годится и его нельзя подписывать.

Но проект Договора представлял собой баланс интересов всех участников ново-огаревского соглашения. Я был согласен с предложениями, прозвучавшими в выступлениях руководства Российской Федерации, участников встречи — ленинградцев и представителей Северо-запада республики, не тянуть с

подписанием.

На встрече с руководителями девяти республик 23 августа, на второй день после моего возвращения из Крыма, преобладало мнение — быстрее подписывать Договор, не откладывать надолго. Хотел бы подчеркнуть, что речь идет не о завершении, а только о начале глубокого преобразования нашего Союза.

Возможно, самый трагический результат переворота заключался в том, что эти три дня подтолкнули, и мощно подтолкнули, центробежные тенденции в стране. Возникла реальная угроза развала союзного государства. Я думаю об этом постоянно и с огромной тревогой, с огромным переживанием. Ибо, если такое случится, все разговоры и все наши планы на будущее — пустое дело, просто болтовня.

Этот вопрос я ставил на первый план как главный, как основной. Тем более что слышал очень много рассуждений такого рода: давайте, мол, разойдемся, поживем, потом сойдемся.

Все высказались за то, чтобы была единая оборона, единые вооруженные силы. Это не значит, как было отмечено в ходе обмена мнениями, что где-то, в той же России, не может быть национальной гвардии — это 3 или 4 тысячи человек, которые нужны в таких вот ситуациях, когда угрожает опасность парламенту или еще что-то. Это другой вопрос. Но в принципе — единые вооруженные силы и единый экономический рынок. Словом, было согласие: внести необходимые коррективы в проект Договора и начать процесс подписания.

Сессия встретила это сообщение аплодисментами. Вместе с тем в ходе дискуссии явственно звучало и другое: отбросить Союзный договор — мы, дескать, уже в другой стране, в другой эпохе. Конечно, игнорировать то, что произошло в эти августовские дни, нельзя. Коррективы требуются, коррективы, которые бы вобрали приобретенный трагический опыт, и уроки, извлеченные из происшедшего. Необходимо, считал я, чтобы первые лица тех республик, которые за Договор, немедленно занялись этим. Тем более, что к тому времени уже было достигнуто согласие: не откладывая, сейчас же заняться разработкой Экономического соглашения.

Поэтому на сессии я со всей определенностью высказался за внесение изменений в проект Союзного договора. Не реагировать на то, в каком положении мы оказались, делать вид, что все вернулось к положению до 18 августа, — это вообще не политика. Но и отбрасывать все, что приобретено в ново-огаревском процессе, что сделано и до этого, нельзя. Это было бы ошибкой.

Мы еще пока не разошлись, не развалились, только ослабли связи между республиками, началось противостояние,

нарушились налаженные отношения. А в каком состоянии страна? К чему может привести отказ от подписания Союзного договора? Что будет, если республики начнут в категорической форме отказываться от Союза, если скоропалительно, в эмоциональной атмосфере, буквально в считанные часы будут решаться архисложные вопросы, связанные с судьбой этого огромного государства, которое формировалось тысячу лет? И с судьбой десятков миллионов людей, гражданскими правами, границами, собственностью на общественные богатства, нажитые совместным трудом?

Нет, надо сотрудничать, создавать в рамках Союзного государства единое — демократическое, экономическое, научно-техническое, культурное — пространство, гасить страсти, но ни в коем случае не трогать границы. Иначе будет развиваться сепаратизм, и ситуация будет трудной. Надо знать, где остановиться.

Уже в ходе сессии я встречался с Ельциным, Акаевым, Назарбаевым, Яковлевым. Мы говорили о смысле того, что происходит в Москве, вокруг столицы, что происходит во всех регионах. Обстановка была неспокойная: люди взволнованы, переживают, что будет с ними, со страной, что дальше. Мы обменялись мнениями и договорились сообщить членам Верховного Совета о нашей общей позиции. А она состояла в том, что союзное государство должно быть сохранено как Союз Суверенных Государств.

Заверил депутатов: сделаю все от меня зависящее, чтобы не был перейден рубеж, за которым станет неизбежным распад нашего Союза. Ситуация такова, что нам нужен Союз Суверенных Государств. Эта формула и должна лечь в основу подготовки Договора, конечно, с учетом и новейшего опыта. Я за обновленный Союз, глубоко реформированный, но я за сохранение Союза, за реализацию воли народа, выраженную им на референдуме. А если этого не будет, если будет что-то другое, я уйду. Ничего у нас не получится, если мы порушим Союз. Уверяю вас: будет беда, говорил я депутатам.

С чьей-то стороны высказывалось подозрение — будто я чуть ли не подстрекаю к чему-то, произношу речи, чтобы разделить, столкнуть народы и властвовать, ну и тому подобное. А были и такие, кто в этой моей позиции увидел стремление любой ценой сохранить империю. Вздор это все.

Когда я осмысливал процессы, которые начались у нас из-за языка, из-за нерешенности отдельных проблем культуры, из-за вопросов, на первый взгляд вроде бы и небольших, но задевавших за живое людей, понял, что, если мы затронем более крупные

проблемы, пойдет процесс разъединения, поднимутся такие силы, с которыми не справиться. Обдумав все это, я пришел к твердому убеждению: нельзя нам разъединиться, но нужно распределить, разделить полномочия, глубоко реформировать Союз. Пусть будет центр таким, какой нужен самим республикам. Но надо быть вместе. И выйти мы можем из кризиса вместе, и осилить все вместе, и подняться. У нас все есть, и мы можем сейчас опереться на набранный потенциал перестройки и быстро двинуться по пути преобразований.

Было время, когда на многое не обращалось внимания, передавали регион из ведения одной в ведение другой республики. Мол, все равно все — в одном государстве, какая, мол, разница. Иногда возникали вопросы, но они казались локальными, и по большей части все утрясалось — поскольку ведь все вместе! Но за фасадом политики «дружбы народов» и даже «слияния» наций накопилось немало проблем.

Теперь мы многое осознали. Всерьез воспринимаем, что некоторые республики не захотят подписать Договор, станут на путь отделения. Но пусть все делается в конституционных рамках. В случае выхода из Союза возникнет целый комплекс вопросов, правовых, гуманитарных, территориальных, военных, экономических и так далее.

Представления об облике нового Союза мною были изложены на сессии Верховного Совета. Я считал тогда и считаю теперь, что отношения внутри Союза должны строиться на основе соглашений, договоров, которые охватывают оборонные, экономические вопросы, особенно вопросы о нравах граждан. Целая система соглашений должна быть. Возникнут, возможно, даже и территориальные вопросы. Но в проекте Союзного договора написано: «нерушимость границ». Эта тема присутствовала на всех заседаниях в течение последних 3—4 месяцев, и позиция всегда всеми высказывалась прямо и однозначно — зафиксировать нерушимость границ. И это понятно, тем более что живя в едином Советском Союзе, мы ведь даже не знали как следует своих внутренних границ: 70 процентов границ определялись сельскими, районными Советами, городскими. Б обновленном и реформированном Союзе республики сами будут формировать и новые союзные органы с полномочиями, какими они сами наделят Союз.

Мой призыв: пусть из Верховного Совета в итоге обсуждения прозвучит ясная, четкая позиция о судьбе нашего Союза, пусть все будет обдумано, чтобы был сохранен и обновлен, жил и развивался Союз в интересах народов тех республик, которые решили его сохранить и подписать Союзный договор, — этот

призыв был услышан депутатами.

Я обратился к членам Верховного Совета, представляющим избирателей России, употребить свой авторитет, возможности, которые перед ними раскрылись в целях объединения в рамках нового Союза. И в то же время ж считал необходимым сказать депутатам других республик, что относительно русского народа у них не должно быть подозрений. Уважительность к другим народам со стороны русских была и будет. Преходящие моменты не должны заслонить то, чему нас научила история, столетняя история.

Почти все выступавшие на сессии с тревогой говорили, что переворот еще больше ослабил управляемость страной, подорвал и без того нарушенное взаимодействие между республиками и регионами. Это было действительно так. Поэтому на сессии я выдвинул в качестве второй важнейшей задачи — четко вести линию на сохранение и укрепление управляемости. Надо быстро решать все вопросы, которые поставила жизнь, решить, но не крушить. Мы должны обновить руководящие структуры, выдвинуть людей, которым верим и за которыми страна пойдет. Необходимы перегруппировка политических сил, создание союзных органов на переходный период, а потом, уже в ближайшие месяцы, — проведение свободных выборов и формирование новых структур.

Почему я так остро ставил проблему управляемости? Потому что управляемость — это продовольствие, управляемость — это топливо, управляемость — это работа, управляемость — это продолжение реформ.

Не могу не сказать о своем глубоком удовлетворении тем, что на сессии возобладало стремление не допустить политического реванша, преследования людей за убеждения, увольнения их с работы и лишения защиты. Депутаты были единодушны: необходимы законность и правопорядок. Тогда мы удержимся. Я выступил в поддержку инициативы депутатов-юристов, призывавших Верховный Совет четко разграничить то, что должны установить следствие, суд, и то, что относится к политическим оценкам, к организационным выводам. Поддержал также и предложение о создании парламентской комиссии, которая участвовала бы в этом процессе.

На сессии многие депутаты резко и небезосновательно критиковали меня. Слушать это было горько, но необходимо. И я посчитал своим долгом еще и еще раз заявить, что глубоко переживаю все, что случилось. И чувствую свою ответственность перед всеми депутатами за то, что как Президент не сделал всего, чтобы не допустить августовского путча. Я не считал тогда, не

считаю и сегодня возможным эту свою ответственность приуменьшать, замазывать, уходить от нее. Не раз в те дни откровенно и подробно говорил о своем отношении к происшедшему, о своих оценках причин того, что произошло.

Но я считал необходимым указать: путч потерпел поражение и во внутреннем плане и во внешнем. Но этого не произошло бы без глубоких изменений внутри страны и в ее международных связях. А ведь все это было сделано не помимо меня…

И поэтому я со всей категоричностью заявил в телеинтервью вечером 1 сентября, накануне открытия внеочередного Съезда народных депутатов: «В отставку сейчас подавать не буду. Это было бы аморально, даже если не принимать во внимание другие аспекты. Сейчас, на этом труднейшем этапе, когда должны приниматься решения, которые дальше будут определять, сохранится ли тот курс, который мы начали в 1985 году, я не позволю себе, как человеку, как гражданину, уйти. И поэтому в отставку не подам. Что касается Съезда, пусть он обсуждает этот вопрос. Я найду, что сказать, у меня есть, что сказать Съезду».

СЪЕЗД НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ

События развиваются очень быстро. Не все успеваем даже осмыслить. Можно сказать, что за один день проживаем десятилетия. Это касается и развития ситуации в республиках. В их позициях, повторяю, были нюансы, но комитету не удалось втянуть их в свою интригу. Однако в связи с путчем резко обозначились центробежные тенденции. Кое-кому показалось, что, для того чтобы противостоять подобным поворотам в центре, надо порвать связи с Союзом.

Но в ответ на угрозу хаотического распада — сразу же стала выявляться и другая тенденция: остановить дезинтеграцию. Пришлось действовать решительно.

Теперь видно, что, несмотря на широкий разброс мнений, тенденция в пользу Союза, единого экономического рынка сохранилась.

Характерно при этом, что заявления, звучащие зачастую на заседаниях Верховных Советов республик, не всегда отражали настроения всего населения. В эти тревожные дни большинство людей реагировало весьма чувствительно на угрозу распада Союза. И в отличие от националистов и анархистов обретение независимости большинство стало рассматривать как основу для нового Союза действительно суверенных и независимых государств. Люди разных национальностей в этот опасный час для нашего многонационального государства особо остро ощутили — надо держаться вместе. И это имело решающее воздействие на процесс согласования позиций республик в канун внеочередного Съезда народных депутатов СССР.

Совместное Заявление Президента СССР и руководителей республик «10(11)+1» было подготовлено буквально за один день, я бы даже сказал, за одну ночь до начала работы Съезда. Мы работали над ним до самого последнего момента. Назарбаев зачитывал на Съезде текст, в котором последние поправки были от руки. В этой работе участвовали не только девять республик плюс Президент, но также Армения и Грузия.

Смысл Заявления мы видели в том, чтобы выйти к обществу с предложениями по наиболее жгучим, волнующим вопросам. Рассуждали так: Съезд не должен превратиться в парламентскую говорильню. Страна ждет решений. Вот почему мы пошли по такому неординарному пути — выступили с Заявлением. И сказали депутатам: а теперь подумайте, задумайтесь о будущем.

Сначала это вызвало недовольство. Но нам ведь надо было выходить из ситуации, связанной с заговором, а не болтать. У

Съезда появился шанс показать свою ответственность за судьбу страны. И если бы он не принял наше предложение, то продемонстрировал бы всему народу, что он мертв.

Заявление предусматривало безотлагательное заключение Договора о Союзе Суверенных Государств.

Мы зафиксировали принципиальные положения для нового Союзного договора со всеми его атрибутами. Речь идет о едином экономическом пространстве, о единых вооруженных силах и военной реформе, о подтверждении всех международных: обязательств, о декларации свобод и прав человека.

Съезд, проходивший к атмосфере общественного шока и отразивший эту атмосферу, тем не менее оказался на высоте своей миссии. После острых дискуссий было достигнуто согласие в главном.

Был момент, когда возникла патовая ситуация. С моей стороны вопрос был поставлен прямо: Съезд исчерпал свои возможности, а если это так, то надо, видимо, искать другие механизмы принятия решений, которых ждет народ. Потому что люди терпеть больше не могут.

В конечном счете съезд принял важные решения. Но путь к этому был трудным. Атмосфера на Съезде менялась буквально день ото дня. Я бы сказал — за три дня изменилось все, началась другая жизнь, другая эпоха.

В эти недели народ решал свою судьбу — не только в парламентах, в публичных столкновениях мнений на митингах, но, к сожалению, и на баррикадах. Произошла трагедия, омытая кровью. Для всех нас происшедшее — тяжелый урок. Все видят драматизм положения, в котором оказалась страна в результате антиконституционного переворота, совершенного в момент, когда всего один день отделял ее от подписания Договора о Союзе Суверенных Государств. Он открывал возможность для укрепления согласия и сотрудничества. Потеряно время и для решения жизненных экономических проблем. Социальная ситуация в стране напряжена до предела. Но в то же время случившееся подтвердило с неопровержимой убедительностью: то, что мы делали с 1985 года, позволило создать такие предпосылки, такие новые реальности в стране, что с самого начала заговор был обречен.

Отвечая на заданный мне на съезде вопрос, я сказал: что касается приверженности курсу революционных, глубоких перемен во всех сферах жизни нашего общества, перед вами тот же Горбачев. Но в такой же мере, в какой он остался приверженным своему главному выбору 1985 года, Горбачев изменился, поняв и глубоко прочувствовав свои просчеты — в

тактике, в методах действий, один из них — вовремя не распознал наступление момента, когда надо, было быстро освобождать общество от структур державшей его тоталитарной системы. Не мог своевременно и в полной мере поставить свой авторитет на службу объединению новых, демократических сил, которые могли полностью взять на- свои плечи ответственность за проведение перестроечного курса.

Сейчас общество взбудоражено. Оно хочет до конца понять, что произошло. Где истоки случившегося? Что необходимо сделать, чтобы такое больше не повторилось? Каков выход из создавшейся ситуации и где те структуры, где те люди, которые возьмут на себя в это тяжелейшее время ответственность? Вот вопросы, которые сейчас мучают. Этим, собственно, и продиктован экстренный созыв Съезда народных депутатов, и этим же продиктовано Заявление Президента страны и высших руководителей союзных республик.

Я высоко оцениваю тот факт, что при всем многообразии мнений большинство народных депутатов с высокой ответственностью отнеслись к оценке ситуации и поддержали в принципе это Заявление.

Но не могу я согласиться с теми из выступлений, в которых Заявление изображалось как нечто идущее вразрез с Конституцией и законами страны, более того, оценивалось чуть ли не как еще один переворот. Мой ответ был однозначным: попытки представить действия во имя защиты демократии, во имя обеспечения неотложных мер по спасению страны как некий «черный» умысел против народа, а законно избранных людей, за которыми стоят миллионы избирателей и республиканские парламенты, назвать самозванцами — недопустимы и должны быть решительно отклонены.

Насколько все это нелепо, говорит тот факт, что Президент и руководители республик вышли ведь со своим Заявлением не куда-нибудь, а на Съезд — высший орган государственной власти, конституционный орган. Обратились к нему, к его конституционной компетенции. И это что — заговорщики?

Интересно и то, что в критике Заявления сошлись крайние правые и крайние левые. Было удивительно наблюдать за этим. Но в конце концов Съезд оказался на высоте, удалось открыть дверь в будущее — начался трудный переходный период.

Конечно, возможны придирки к принятым решениям, у юристов есть претензии, так сказать, к чистоте обсуждения. Но это в данном случае не главное.

Мы живем в такое время, когда приходится делать нестандартные шаги и принимать нестандартные решения.

Принципиально важно, что в ситуации, когда переворот поставил страну на грань неуправляемого распада, руководители 11 республик (10 республик подписали, а 11 вырабатывали Заявление) сочли необходимым встретиться, выработали согласованные позиции по коренным вопросам жизни общества и получили поддержку Съезда.

И мне, и руководителям республик было ясно, что по-настоящему восстановить управляемость страны может только авторитетный орган, способный как принимать решения, так и обеспечивать их проведение в жизнь на всей территории. Поэтому мы предложили Съезду создать на переходный период Государственный Совет, в который войдут главные должностные лица республик.

Острая дискуссия возникла на Съезде в связи с предложением об образовании Совета представителей, своего рода законодательной ассамблеи на переходный период. Соображения и возражения выдвигались серьезные. И все мы, авторы Заявления, с большой ответственностью отнеслись к ним и пришли к выводу, что нашу идею можно реализовать не через Совет представителей, а через Верховный Совет по формуле, которая закладывалась в проекте нового Союзного договора: там были предусмотрены две палаты, в том числе Совет Республик, учтены интересы бывших автономий. Причем в верхней палате, Совете Республик, которая будет высшей, у каждой республики — один голос.

Я довел это наше общее мнение до депутатов, подчеркнув, что на такой основе можно будет сформировать орган, который эффективно сотрудничал бы с Государственным Советом. Иными словами, в этом случае мы не выходили бы за рамки формулы ново-огаревского процесса, а вместе с тем получили бы, по существу, качественно иной парламент, отвечающий требованиям переходного периода.

Сейчас самое важное — быстрее действовать. Правильно напомнил на Съезде российский премьер И.Силаев: есть неотложные вопросы, связанные с продовольствием, с подготовкой к зиме, с укреплением законности, с финансовой ситуацией, — и все это требует согласованных действий. И есть предпосылки, чтобы удержать ситуацию и двигаться дальше.

Если мы сумеем наладить взаимодействие в новых формах, включить новые структуры, новых людей, нас поддержит и Запад. Там сейчас смотрят, с кем иметь дело. Поэтому и для внутренних процессов, и для сотрудничества с внешним миром (а оно нам необходимо) все эти вопросы следует решать без проволочек.

Вновь остро на Съезде подчеркнул необходимость

безотлагательного прояснения вопроса о нашей государственности. Не проясним его — не решим и другие проблемы: экономические, политические, социальные, научные, межнациональные и прочие. Я убежден в этом. На референдуме люди выразили свою волю, высказались за сохранение и решительное обновление Союза. В ходе ново-огаревского процесса мы вышли на формулу «Союз Суверенных Государств», но и она теперь нуждается в переосмыслении.

Давайте, сказал я, сделаем этот Союз действительно добровольным, чтобы он отвечал интересам всех. Пусть он даст возможность иметь федеративные связи по одним вопросам, конфедеративные — по другим, ассоциативные — по третьим. Формула — «Союз Суверенных Государств» позволяет все учесть. Если мы это сделаем, если Съезд поддержит предложения, которые высказаны в Заявлении, то он выполнит свою роль в этот исторически ответственный момент.

В какой-то мере это был рубеж, даже перелом; в основном, в главном позиция Президента и руководителей республик получила одобрение подавляющего большинства депутатов. Итог Съезда — пакет решений, регулирующих жизнь государства на переходный период. Они закладывают базу для стабилизации, ведения дел в нормальном русле. Между республиками и Союзом согласовано, что сотрудничество будет строиться на новом уровне, всеми вместе, сообща.

Поэтому, закрывая Съезд, я сказал, что доволен проделанной работой. Хотя, честно говоря, были минуты, когда я думал, что мы не дотянем до логического конца.

Нечасто случаются в политической жизни дни и недели, которые в прямом смысле можно назвать историческими. Страна пережила именно такой момент. Она начала отсчет новой эпохи в своем тысячелетнем развитии.

Я верю, убежден: международное сообщество будет иметь дело с Союзом Суверенных Государств. Со страной, где добровольно и равноправно сожительствуют свободные, демократические государства, республики, многие десятки наций, народностей и этнических групп. Со страной, где дружески сосуществуют и взаимодействуют самые различные культуры и почта все известные религии, создавая неповторимое культурное и духовное пространство.

Великая евразийская демократия станет одним из оплотов нового мира, его безопасности, сближения между двумя континентами в строительстве справедливого мирового порядка. Совокупный внешнеполитический потенциал нового Союза возрастет благодаря раскрепощенному и оригинальному вкладу

составляющих его суверенных республик. Конечно, все это — впереди. Но мы будем настойчиво и последовательно работать, имея в виду именно эту цель.

Принятая Съездом Декларация прав и свобод человека, документы, определяющие рамки и содержание переходного периода и принципы образования нового Союза, исходят из того, что высшей ценностью нашего общества признаются свобода человека, его честь и достоинство. Это становится и нравственным, и — что я особо хочу подчеркнуть — правовым фундаментом нашего Союза.

То, на что вывел страну Съезд, отнюдь не является чем-то неожиданным, противоречащим генеральному направлению перестройки. Напротив, произошло взрывное высвобождение всего того потенциала общественного, экономического и национального развития, который накапливался в ходе перестройки и был заложен изначально в ее основном замысле.

Поэтому в принципиальном плане все, что раскрылось и происходит у нас сейчас, отвечает самым глубоким моим убеждениям и намерениям.

Оставался один необычайной важности вопрос, решение которого, впрочем, было предопределено итогами Съезда. Я имею в виду проблему балтийских республик — Литвы, Латвии, Эстонии, — которые заявили о своем нежелании подписывать новый Союзный договор и выходе из Союза.

На следующий день после Съезда на первом заседании Государственного Совета эта проблема была рассмотрена. Учитывая конкретную историческую и политическую обстановку, предшествовавшую вхождению Литвы, Латвии и Эстонии в СССР, Госсовет признал их независимость и поручил государственной полномочной делегации провести переговоры и решить весь комплекс проблем, связанных с обеспечением прав граждан, экономических, политических, военных, пограничных, гуманитарных и иных вопросов.

С политической и практической точек зрения и раньше было ясно, что дело идет к уходу трех республик из Союза. События ускорили решение.

Должен, однако, сказать, что я буквально завален телеграммами из Прибалтики. Как-никак, но там из 7 миллионов жителей — 2,5 миллиона некоренного населения. Если возобладают экстремистские настроения, а они есть, если будут вытеснять, выдавливать некоренных жителей, то схлопочем острую ситуацию. Идет дискуссия вокруг законов о гражданстве. Появляются высказывания о делении граждан на несколько сортов. Это будоражит страну, это опасно.

После решения Государственного Совета я беседовал с Рюйтелем, с Горбуновым, подчеркнул, что они со всем вниманием должны относиться к этому вопросу. Но, кажется, в Прибалтике в последнее время стали лучше понимать ситуацию и свою ответственность. Ведь мы собираемся жить и дальше вместе, жить хорошо друг с другом.

До начала 1992 года ничего не собираемся менять в нашем сотрудничестве, в экономических, в том числе финансовых, отношениях. Как и другие, Латвия, Литва и Эстония заинтересованы в том, чтобы экономические ресурсы шли из других частей Союза. Да и у остальных регионов Союза есть такая заинтересованность в отношении Прибалтики. Недаром прибалты принимали участие в работе комиссии Г.Явлинского по подготовке Экономического договора. В дальнейшем наши отношения будут строиться на его базе и на базе соглашений по конкретным вопросам, относящимся, в частности, к использованию портов, коммуникаций, пребыванию войск, энергосетям и т.д.

Уверен, что в рамках переговоров мы сумеем решить все как надо. Надеемся на конструктивность руководителей балтийских государств. Тем более что Латвия, Литва и Эстония уже обрели статус новых самостоятельных участников СБСЕ, стали членами ООН. Ясно, что теперь повышается ответственность и других государств, в первую очередь европейских, за то, как эти страны будут обустраиваться в мировом сообществе, в особенности — какова будет судьба значительных меньшинств в каждой из них. Отступления от критериев Парижской Хартии в этом плане могут вызвать очень болезненную реакцию не только в самих этих странах, но и в России, в Союзе.

В рамках европейского процесса, конечно, будут отработаны механизмы, обеспечивающие права всех граждан. Но есть вещи, которые имеют первостепенное значение, и среди них прежде всего — нерушимость границ. Надо идти по пути открытости, прозрачности пограничных рубежей, но не трогать сами рубежи. Это может иметь тяжелейшие последствия.

Будем сотрудничать с прибалтийскими государствами. Мы настроены предельно конструктивно: ведь по ту сторону новых границ живут близкие нам люди, с которыми мы общались веками. Хотим налаживать максимально облегченные правила обмена, поездок, контактов. Важно, чтобы все шло в цивилизованных рамках, уважительно и по-соседски. Надеюсь, что все у нас с этими государствами пойдет хорошо.

КОНТУРЫ НОВОГО СОЮЗА

Съезд завершился, но работа, связанная со становлением принципиально нового Союза суверенных республик, составлявших прежний СССР, только еще начинается. И снова дискуссии, столкновения различных точек зрения. Спор, по существу, разгорелся между сторонниками федерации, конфедерации и ассоциации. Поначалу трудно было даже предложить что-то объединяющее участников этого спора. Я опять выдвинул формулу «Союза Суверенных Государств», полагая, что именно она позволит установить новый баланс центробежных и центростремительных сил. Речь идет о новом союзном государстве.

Такой Союз, как я думаю, обеспечит сотрудничество между всеми его субъектами в интересах составляющих его народов. Могут существовать различные типы связей. Формула «Союз Суверенных Государств» создает возможности, открывающие путь к тому, чтобы решать все вопросы с учетом мнения каждого народа в каждой республике. Кроме того, она позволяет найти оптимальный вариант сочетания суверенитета частей и целого.

Новый Союз, несомненно, должен основываться на принципах независимости и территориальной целостности его самого и составляющих его государств. В нем должно быть закреплено право вступления в Союз и право выхода из него.

Таким образом, будущий Союзный договор определит конкретные очертания нового великого государственного образования. Речь идет уже не просто о продолжении ново-огаревского процесса. В ходе подготовки Договора будут учтены новые реальности, которые столь явно обозначились и заявили о себе в связи с событиями 18-21 августа. В их числе и быстро распространившееся в начале сентября понимание того, что обретение независимости — не предлог для хаотического разрыва исторических связей, а новая основа для создания прочного Союза действительно суверенных, по-настоящему независимых государств.

Особенно велика и ответственна роль России. 10 сентября у нас с Б.Н.Ельциным состоялась встреча, на которой мы обсудили проблемы, связанные со скорейшей разработкой новой редакции проекта Союзного договора. А 16 сентября вопрос о будущем Союзе стал предметом разговора между членами Госсовета. Восемь республик заняли тогда позитивную позицию (РСФСР, Беларусь, Узбекистан, Казахстан, Туркменистан, Азербайджан, Таджикистан, Кыргызстан).

На Украине пока ситуация сложная. Я убежденный сторонник сохранения и развития Украины в сложившихся границах. Не могу представить себе, что дойдет дело до отделения Украины. Более того, я вижу ее незаменимую роль в формировании нового Союза. Уверен: формула Союза — Союз Суверенных Государств дает возможность обо всем договориться.

Важной составляющей целостности Союза будут единые вооруженные силы, эффективный централизованный контроль над ядерным потенциалом, совместная оборонная политика. Это даст гарантию надежной безопасности всех республик и Союза в целом. В то же время это отвечает фундаментальным принципам современной международной политики.

Руководители большинства республик в принципе договорились не только о необходимости единства стратегического потенциала, но и вообще вооруженных сил. Что касается контроля над ядерным оружием, то ни у кого не должно быть тревоги на этот счет. Остаются центр и Президент Союза как верховный главнокомандующий.

Конечно, нужна глубокая военная реформа. У нас будет гражданский министр обороны и военный начальник объединенного или генерального штаба. Будут структурные перемены, во взаимодействии с республиками будем сокращать и численность войск. Учитывая дислокацию частей и подразделений, необходим механизм взаимопонимания и сотрудничества с республиками. Уже идут консультации.

Вторая опора, на которой возводится наш Союз, — Экономический договор. 16 сентября на Госсовете мы рассмотрели его проект.

Экономический договор — это то, что нам сейчас срочно необходимо, он будет стимулировать и работу над Союзным договором. В Договоре фиксируется приверженность республик к сохранению единого рынка, определяются нормы и механизмы функционирования единого экономического пространства, что позволит ускорить выход экономики из кризиса. Работа над Договором вступила в заключительную фазу, в ней участвуют полномочные делегации республик.

Дело выглядит так: республики стремятся к заключению Экономического договора. Это понятно. Даже Россия не может обойтись без сотрудничества, а малые республики тем более. Сама структура экономики, единая сырьевая база, единая наука, экология, энергосистемы, многообразные хозяйственные связи — все это диктует логику сотрудничества.

Уже в ближайшие месяцы нам предстоит совместно осуществить крупнейшие шаги по стабилизации финансов, по

созданию условий для предпринимательства, по приватизации и разгосударствлению. Кроме того, конечно, будут выработаны принципы общей политики в области налогообложения, банковского дела, социальных вопросов и другие.

Некоторые республики ставят вопрос о собственной валюте. Они исходят из того, что это дало бы им защиту от негативных экономических процессов, оградило бы региональный, республиканский рынок. Наши экономисты считают, что образование национальных валют не вызовет серьезных проблем, тем более что решение вопроса конвертируемости рубля приведет к спаду ажиотажа на этот счет. Многие зарубежные экономические и финансовые организации предостерегают от подобных шагов, способных серьезно осложнить функционирование рынка. В любом случае, как я предполагаю, рубль будет играть ведущую роль, учитывая масштабы и роль такой республики, как Россия.

Сейчас предстоит двигаться параллельными курсами: создание нового Союзного договора и нового Экономического союза на таких принципах, чтобы это способствовало движению к рынку, В последнее время в лучшую сторону изменилось отношение народа к этим вопросам. И это имеет исключительно важное значение.

Третье направление работы по созданию нового Союза — формирование отвечающих изменившимся условиям союзных структур власти. Тут уже есть сдвиги. Открывается возможность преодолеть общий кризис. Мы получили больший кредит доверия, чем имели до путча.

После принятия Заявления 10(11)+1 были сделаны конкретные шаги. Распустив правительство, мы наряду с Министерством иностранных дел сохранили МВД, Министерство обороны и КГБ как общесоюзные структуры.

А затем в новом виде воссоздали и союзное Министерство культуры. Я встречался с руководителями министерств образования республик. И все они настойчиво доводили до меня мысль о необходимости координации деятельности республик в рамках единого образовательного пространства Союза. Я получил письмо от министров сельского хозяйства практически всех республик с предложением создать союзные структуры по аграрным вопросам. Руководители железных дорог страны настаивают на сохранении союзного министерства. Такие же требования раздаются в отношении экологии, научно-технического сотрудничества. Решительно выступила за сохранение общих структур по фундаментальным направлениям и Академия наук.

В переходный период должны действовать созданные на базе решений Съезда народных депутатов СССР структуры. И они уже действуют. Я имею в виду прежде всего Госсовет. Он будет собираться регулярно, не реже двух раз в месяц. Здесь будут приниматься принципиальные политические и экономические решения. Эти решения являются обязательными для исполнения на территории участвующих республик и могут быть эффективно проконтролированы.

Межреспубликанский экономический комитет, состоящий из полномочных представителей бывших союзных республик, — это орган, который будет обеспечивать реализацию Экономического договора. Сюда будут сходиться нити регулирования экономики и осуществления экономических программ.

Предполагается создать соответствующие структуры по реформам, а также — на коммерческой или на договорной основе — специальный орган по связям с иностранными инвесторами. Тем самым будут облегчены контакты наших предприятий с иностранными партнерами.

Государственный совет и Межреспубликанский экономический комитет — механизмы согласования основных позиций. Скоординировав их, республики смогут самостоятельно действовать по конкретным направлениям и проектам.

Предполагается после подписания Союзного договора определить сферу совместного ведения республик, будут созданы на паритетных началах соответствующие комиссии по энергетике, транспорту, связи и другим проблемам.

Таковы в самых общих чертах контуры нового Союза. Строительство его будет непростым делом.

Мы идем к новому этапу в развитии нашего многонационального государства.

МЫ И ВНЕШНИЙ МИР

В первые же после провала путча дни перед нами встал вопрос: проводить намеченную на сентябрь Московскую конференцию по человеческому измерению хельсинкского процесса или отложить? Тогда еще было много неясностей. Мы готовились к Съезду народных депутатов СССР, разгребали завалы, созданные путчем.

Но понимали и острую актуальность темы прав человека, которую путч поставил вновь под вопрос. И те, кто сражался против заговорщиков, по существу, защищали права человека, свободу, завоеванную с таким трудом за годы перестройки.

Посоветовались с послами государств СБСЕ. Они — со своими правительствами. И мы получили от них вежливое, но настойчивое суждение: и европейцы, и американцы, и канадцы — за то, чтоб конференция состоялась. Нам дали понять, что видят в этом свой долг солидарности с победившей демократией.

Конференция началась в срок — 10 сентября, в торжественной и очень дружественной обстановке. Это была яркая демонстрация того, насколько глубоко изменился весь характер международных отношений.

Мы предложили провести такую конференцию в Москве еще на начальном этапе перестройки. Исходили из того, что она даст дополнительный импульс демократизации, обновлению нашего общества. Тогда на Западе было много сомнений — достойна ли Москва такой конференции, далеко, мол, у нее неблагополучно с правами человека, хотя перестройка уже шла. Эти настроения нам с большим трудом удалось переломить — и прежде всего практическими делами по включению в жизнь нашего общества общечеловеческих ценностей, по сближению нашего законодательства с общепринятыми правовыми нормами.

А после подавления путча для сомнений уже не оставалось места. Изменилась наша страна. Она стала органичной частью хельсинкского процесса. Растаяли стереотипы прошлого. Во всяком случае, не они определяли уже атмосферу в Европе.

В своем выступлении, при открытии Московского совещания, я выделил несколько моментов, связанных с обеспечением прав человека на всем пространстве огромной страны в условиях, которые сложились после провала путча. Обозначу их кратко.

— Мы всегда знали, а теперь знаем еще лучше: недостаточно провозгласить права человека или заявить о приверженности Всеобщей декларации на этот счет. Чтобы стать реальностью, права человека должны быть обеспечены законодательно и

экономически.

— Августовские события лишний раз убедили нас в необходимости надежных правовых и материальных гарантий свободы информации — в национальном и в международном масштабах.

— Ни при каких условиях люди не должны подвергаться преследованиям за инакомыслие. Мы твердо стоим на этой позиции.

— Преобразование Союза требует очень внимательного и ответственного отношения к меньшинству населения в новых государственных образованиях. Нельзя допустить, чтобы национально-государственная консолидация как в случае вхождения республики в новый Союз, так и в особенности в случае выхода из СССР сопровождалась ущемлением прав меньшинств. Наш опыт последних лет заставляет нас быть особенно внимательными к этой проблеме. Но — не только наш собственный опыт.

Если Европа не хочет оказаться перед лицом потока беженцев, вооруженных конфликтов, межнациональной ненависти, гибели людей и разорения городов и сел, она должна очень строго следить за соблюдением прав меньшинств всеми государственными субъектами на ее пространстве. Иначе рухнет весь европейский процесс, похоронив под собой и права человека.

Проведение в Москве представительного международного форума дало мне возможность встретиться со многими моими старыми друзьями и партнерами, обсудить с ними волнующие и нас, и их вопросы. Конечно, большая часть времени была посвящена оценке ситуации в Союзе, нашим планам преобразований. Но, разумеется, подчеркивал я, решение внутренних проблем мы рассматриваем как самый важный наш вклад и в мировую политику.

Принципиальный курс внешней политики останется без изменений. В своем Заявлении Президент страны и руководители республик подтвердили верность всем международным обязательствам. И при обсуждении этого предложения между нами не было никаких разногласий. Я предложил уточнить формулировку и конкретно сказать о верности нашим обязательствам в сфере разоружения и внешних экономических связей.

Республики, которые заявили о намерении составить Союз, подтвердили приверженность политике нового мышления, всем общепринятым нормам и обязательствам, в том числе зафиксированным в хельсинкском Заключительном акте и Парижской Хартии. Они создадут действенный механизм,

способный обеспечить согласованную линию по кардинальным направлениям международной безопасности, разоружения и развития. И соответственно пересмотрят структуру и работу Министерства иностранных дел и посольств.

После поражения консервативных сил на новый уровень должно выйти конструктивное взаимодействие с Соединенными Штатами. В беседах с Дж.Бейкером я совершенно определенно подтвердил обязательства и приверженность курсу, по которому мы шли вместе с США. Отметил я и то, что мы видим новые возможности для взаимодействия. Если даже и при старых структурах власти мы выходили на далеко идущие договоры и соглашения, то сейчас возможности будут еще больше. В частности, мы будем сотрудничать с США, как договаривались в Ново-Огареве в начале августа, в налаживании ближневосточного процесса, в продвижении к мирной конференции. Здесь уже есть хороший задел.

Реальная перспектива превращения страны в Союз Суверенных Государств коренным образом меняет и ситуацию в Европе. Нельзя забывать того, что Советский Союз даже в прежнем качестве в последние годы выступил как мощный фактор европейской безопасности, взаимопонимания и сотрудничества. Не только стал генератором идей общеевропейского дома, но и внес огромный практический вклад в позитивные перемены на европейском пространстве.

Новый, демократический Союз Суверенных Государств, восприняв все позитивное, что сделано на международной арене Советским Союзом, будет еще активнее действовать на всех направлениях, предусмотренных Хартией для Новой Европы. С этой целью необходима совместная выработка оптимальных подходов — чтобы не сыграть на руку силам сепаратизма и национального экстремизма, не нанести ущерба начавшемуся формированию Новой Европы, идущей на смену Европе блоков, противостояния и барьеров, препятствовавших свободному обмену товарами, знаниями, достижениями в науке, технике, культуре.

Со своей стороны европейцы и все мировое сообщество, наученное югославской трагедией, не скрывают, что они заинтересованы в сохранении единого, целостного государства на одной шестой часта земного шара как одного из основных гарантов мирового порядка. От этого выигрывает не только наше государство, но и все международное сообщество. Правда, слышны голоса, ратующие за то, чтобы иметь объединенный Союз в качестве противовеса объединенной Германии. Но мы думаем, что эти два объединенных государства могут внести свой

огромный вклад как раз в дело расширения и углубления сотрудничества в Европе и мире, использовать свое двустороннее тесное сотрудничество для укрепления конструктивного русла европейского процесса без потрясений и хаоса.

Сохранение общегосударственных структур для сотрудничества с зарубежным Западом и Востоком абсолютно необходимо для превращения нашей страны из военизированного лагеря в мирное процветающее государство. Ведь милитаризм не только иссушает экономику, не только готовит экологическую катастрофу, но и угрожает демократии политически, физически и духовно. Потому демилитаризация — одно из важнейших направлений в утверждении прав и свобод человека. С еще большей убежденностью и настойчивостью будем добиваться этого у себя и повсюду.

В этой связи я в беседах с иностранными деятелями (а таких бесед за сентябрь было около 50), а также публично со всей определенностью заявлял, что мы по-прежнему за скорейшую ратификацию Договора по сокращению вооруженных сил и обычных вооружений в Европе и Договора по СНВ.

Органичное включение в мировую цивилизацию невозможно без прочной экономической основы. Сейчас, когда сняты помехи на пути преобразования экономических структур, мы можем приступить к решению этой гигантской трудности задачи. Новое мышление помогло нам понять, что прочной основой демократии являются не только закрепленные в законе права и свободы человека, но и экономическая свобода, цивилизованный современный рынок. Именно в такой атмосфере формируется новый характер людей, самостоятельно мыслящих и действующих, готовых взять на себя ответственность за происходящее. Они и образуют активную часть гражданского общества, тот стержень, вокруг которого складываются новые отношения.

Но все это, как показывает мировой опыт, требует времени, много времени. А нам приходится буквально прорываться к новому состоянию общества. Вот почему мы нуждаемся в содействии и поддержке, в солидарности. Она окупится с лихвой, поскольку речь идет о стране, от которой зависят прогресс и судьбы всего мира.

Могу лишь добавить: то, что было сделано в дни после разгрома путча, открывает величайший шанс. Надеюсь, что теперь на Западе отнесутся с большим вниманием к тому, о чем я настойчиво и многократно говорил, призывая к практическому и результативному сотрудничеству с пашей страной.

Международное сообщество оказалось бы непростительно

глухим к вызову времени, к новым реальностям, если бы, сумев объединиться и найти огромные средства для преодоления кризиса в Персидском заливе, не смогло бы найти ответ на наш кризис, который имеет общемировое значение и который несет в себе и колоссальный шанс.

Многое зависит от того, как будут действовать Союз и входящие в него республики в переходный период. Что касается внешних долгов, то подтверждены все обязательства перед международным сообществом. Рассчитаемся со всеми партнерами. Потенциал для этого есть. Необходимо лишь учесть, что на данном этапе стремительного перехода к рынку и стабилизационных мер мы нуждаемся в поддержке Запада, особенно Европы, в их готовности максимально пойти нам навстречу.

При этом нашим партнерам было сказано (пусть услышат это и у нас!): основное бремя ответственности и основная тяжесть предстоящей работы лежит на нас самих, и ни на ком другом.

Сейчас главные проблемы — финансовая стабилизация, сокращение государственного бюджета. Одновременно нужны серьезные меры, позволяющие «связать» денежную массу. На базе Заявления Президента и руководителей республик уже созданы структуры совместных, скоординированных действий на переходный период для стабилизации экономической и политическом жизни, для ускорения радикальных демократических реформ. Мы пойдем на конвертируемость рубля. Занимаемся выработкой конкретных мер по обеспечению продовольствием. В Межреспубликанском экономическом комитете будет крупное подразделение по сотрудничеству с внешним миром в области инвестиций.

Мы заинтересованы в том, чтобы создать нормальные условия для западных инвесторов. Здесь уже многое сделано — принято законодательство, есть много предложений о сотрудничестве.

Мы за то, чтобы все вопросы сотрудничества с внешним миром опирались на реальный механизм совместного управления, обеспечивающий постоянное присутствие партнера и взаимный контроль. Тогда выделенные средства не уйдут в песок.

В рамках Союза мы также предполагаем осуществлять тесную координацию внешнеэкономической политики, чтобы иметь общие подходы к отношениям с иностранными предприятиями и корпорациями.

Коррективы, то новое, что вносится в нашу внешнеэкономическую политику, идет по линии расширения выхода республик на внешние рынки, при общей в принципе внешнеэкономической политике.

Словом, будем улучшать условия для более быстрой и решительной реализации договоренностей в рамках „большой семерки", для содействия всему Союзу в возрождении народного хозяйства в принципиально новых условиях.

Нам надо пережить предстоящую зиму. Что касается топлива, энергетики, справимся собственными силами. Но по продовольствию нужна поддержка, буквально физическая поддержка. За все, что получим, естественно, расплатимся, это будет сотрудничество на взаимовыгодной основе.

Разгром путча и итоги Съезда должны снять все сомнения у зарубежных государств относительно характера дальнейшего развития нашей страны. Спор о том, когда и стоит ли нам помогать, кончился. Всем, кто несет ответственность за международную политику, должно быть ясно, как сейчас действовать. До сих пор они были на высоте. Сумели открыть новый период в жизни государств и народов. И сейчас нужно сделать еще одно большое усилие, чтобы дать кислород реформированию великой страны, результаты которого будут иметь определяющее значение для всего мирового процесса. Она сейчас остро нуждается в стартовом содействии для преодоления особых трудностей, связанных с продовольственным снабжением, функционированием легкой промышленности, переходом на конвертируемость рубля, других проблем перехода к рынку.

Рассчитываем здесь на поддержку, так сказать, методом быстрого реагирования. Остальное — когда выйдем на экономический договор, а он развернет страну к открытому рынку — будет решаться на основе нормального сотрудничества с западными странами в осуществлении крупных проектов, программ, на базе органичного включения советской экономики в мировую.

Мы собираемся создать специальный центр, который занимался бы координацией наших усилий и сотрудничества с Западом по подготовке экономических кадров для свободного рынка. Предложений в этой области поступает много, но все это разрозненно. Мы хотим вместе с американцами, другими партнерами открыть для этих же целей специальные университеты.

Внешняя политика — не самоцель. Сегодня, как и раньше, она призвана обеспечивать жизненно важные интересы нашей страны, нашего государства. Но наши представления об этих интересах, о способах их реализации изменились кардинальным образом. Сегодня мы не мыслим себя вне мира, тем более в каком-то антагонизме по отношению к нему. Да и мир повернулся к нам.

Появился исторический шанс, которым надо воспользоваться: сделать необратимой интеграцию этой огромной страны в сообщество цивилизованных государств. Я не знаю, во что обойдется решение этой задачи, но уверен, что «цена» несопоставима с тем, что мы все заплатили за конфронтацию. А выгода будет огромная и всеобщая.

Я НЕ ВИЖУ ИНЫХ ПУТЕЙ, КРОМЕ ДЕМОКРАТИИ

Поразительно, но каждый день после тех трех в августе кажется порой неделей. Я заканчиваю приводить в порядок сказанное и продуманное мною по возвращении в Москву с юга спустя ровно месяц после начала путча. Всего месяц, а сколько уже произошло, сколько изменилось…

Путч подавлен. Демократы празднуют победу, но жизнь требует действий. Она требует очень хорошо продуманных, неординарных решений. Люди недовольны тем, что повседневная их жизнь тяжела, что изменений к лучшему пока нет. В этом главная опасность. Организаторы путча хотели воспользоваться именно этим. Вот почему времени на раскачку нет. Надо действовать, двигать вперед процесс реформ, дать людям экономическую свободу, и тогда они сами реализуют свои возможности. Нам надо многому учиться. Учиться управлять политикой, экономикой, жизнью государства. А в этом отношении демократы пока еще слабы.

Всем нам еще многому надо учиться, чтобы управлять именно в рамках демократии, в рамках политического и, в особенности, экономического плюрализма.

В противном случае терпение людей может просто лопнуть. И тогда — стихийный взрыв недовольства, хаос, тогда жди самого худшего. Не менее опасна для наших планов и усталость общества, распространение разочарования, безразличия, апатии. Это может попросту блокировать наше продвижение к рынку.

Весь круг проблем, которые сейчас очень остро встают перед нами, я разбил бы на две группы. Прежде всего, это текущие проблемы — обеспечение населения продовольствием, налаживание топливно-энергетического хозяйства, обеспечение потребностей в лекарствах. Другая группа вопросов — это создание условий для развития предпринимательства, решительного ускорения. хода экономических реформ. Только при параллельном продвижении в решении обеих групп проблем мы сможем пережить зиму и весну, получить должный эффект от реализации реформ, положить начало выходу из кризиса.

Сейчас главное — как дожить до весны, как пройти через зиму. А все остальное, сверх этих двух слоев задач, — быстрее к рынку, стимулировать предпринимательство.

Но чтобы реформы пошли, надо, чтобы люди в них поверили. Без людей реформы не пойдут, без их активности все будет

мертво или, наоборот, случится острая реакция — из-за того, что жизненные условия еще более ухудшатся. И демократии будет нанесен тяжелый удар.

Вспоминаю, как после встречи с послом США в Георгиевском зале возвращался по Кремлю в свой кабинет, Обступили люди. Завязался разговор. Интересно, что никто не жаловался на трудности. Говорили, что их, конечно, немало, однако народ готов сплотиться, выдержать испытания, до конца поддержать курс реформ.

У нас огромные возможности. Это не просто стандартная фраза, клише. Это же постоянно слышу от иностранных собеседников. Они говорят: у вас есть все — и народ образованный, и огромные материальные ресурсы, — вы можете стать богатой страной. И мы должны быть богатой страной. Повторяю: у нас есть все для этого. Мы должны стать другими. Тогда мы будем жить иначе.

Меня больше всего волнует, как будут жить дети наши и мои внуки, и те, кому сегодня 15—20 лет. Я вижу смысл своей работы в этом, потому что в конце концов ради этого все и начиналось. Нас не пугали трудности. Мы знали, что придется решать много сложных и трудных проблем. Мы ставили перед собой цель, чтобы уже сегодня люди, включившись в демократические процессы, почувствовали себя людьми. Это уже произошло. И это достижение перестройки.

Но мы должны выйти и на новую жизнь с точки зрения форм и условий жизни. Очень хочется, чтобы те, кто столько отдал этой земле, почувствовали, что наконец пришло их время — счастливое время.

Сейчас, когда решаются судьбы нашей великой страны, я меньше всего думаю о себе. Вот почему мне было и трудно, и в то же время легко принять решение, когда путчисты предъявили ультиматум. Выбор для себя сделал давно. Путчисты могут действовать, не считаясь со средствами. Я же не могу другими путями идти к цели… Демократический выбор лишает возможности действовать иными методами. Иначе тогда неизбежно началось бы повторение прошлого, всего, что мы осудили. При всей сложности проблем они должны решаться демократически. Я не вижу других путей, кроме демократии.

СТАТЬЯ, НАПИСАННАЯ В ФОРОСЕ

Два вопроса сейчас волнуют общество. Они — в центре публицистики, научных дискуссий, страстных споров в партийной и обыденной среде. Постоянно присутствуют в политической борьбе. Мучительный поиск ответа на них отражает то смутное, переходное время, которое переживает страна.

Первый, Нужна ли была обществу перестройка или это роковая ошибка? Какие ее истинные цели? Что такое обновление государства? Надо ли было начинать столь рискованные преобразования?

Второй, Как достичь целей перестройки, раз уж ее начали? Какую политику вести в обстановке экономического кризиса, опасных проявлений дезинтеграции и хаоса, страхов за завтрашний день?

Люди все больше боятся, как бы не получилось того же, что произошло после Октябрьской революции. Как бы не разошлись опять великие цели и реальные исторические результаты. Не приведет ли перестройка к тому, что пережили предшествующие поколения. В обстановке продолжающегося ухудшения жизни все больше тревожит людей — так ли мы идем, теми ли способами действуем, те ли методы применяем. Тогда, в 20-х годах, тоже дошли до края, и нужно было делать исторический выбор дальнейшего движения великой страны. Было ощущение, что придется пройти трудный этап, но у большинства активного населения уже сложилось убеждение, что его надо пройти во имя «светлого будущего».

Но тогда не было опыта, не знали результатов. А теперь знаем. После Октябрьской революции под ее знаменами шли и шли к провозглашенным целям и… не дошли. Этим в корне отличается нынешняя ситуация, В социальную память — через гласность и обнажение истины — вошла эта боязнь крупных перемен. Она питает в массовом сознании желание остановиться, даже откатиться назад, чтобы — в этой паузе — обдумать все еще раз и, может быть, начать заново. На этом спекулируют те, кто не признает необходимости преобразований и давно уже им сопротивляется. Это — ортодоксы-догматики, люди прошлого, с зацикленным на стереотипах образом мышления, ограниченным кругозором.

Но среди тех, кто призывает одуматься и остановиться, появились и «левые» неосталинистского толка. Они призывают остановиться, чтобы навести порядок с помощью диктатуры, которая отменила бы, в лучшем случае — заморозила все права и

свободы, завоеванные в ходе перестройки. А после того, мол, как будет наведен порядок, тогда и двинемся к рынку, к демократии и всяким вольностям. И эта точка зрения получает распространение, ибо народ устал, измотан неустройством жизни, нехватками, неопределенностью и жаждет лишь того, чтобы передохнуть, и не стал бы возражать, если бы кто-то «пришел» и опять «сверху все сотворил».

За призывами подобного сорта может пойти немало людей.

Вот почва для популизма. Ее усиленно унавоживают претенденты в диктаторы и апологеты сталинизма. Работающие на них средства массовой информации подпитывают обывательскую ностальгию по застойным временам, когда, мол, все, что нужно на каждый день, худо-бедно, но было, а насчет свободы и демократии, зачем она, раз нависает нищета и безработица?! Всерьез и публично возносится хвала Пиночету и Франко: мол, несколько годков настоящей диктатуры, а потом будет и рынок, и демократия, и процветание, и сытая жизнь.

Болезнь популизма заразила и многих новых демократов, в том числе — искренних в своих убеждениях. Они тоже обвиняют Президента в непоследовательности, нерешительности, мягкости, настаивают «на принятии мер». А когда Президент предлагает действительно решительные меры по стабилизации экономики, оздоровлению финансов, популисты на трибунах и в кабинетах власти, на местах и в республиках шарахаются в страхе перед возможным недовольством населения, предупреждают о социальных взрывах. Хотя многие из них, прикоснувшись к политике и зная о реальных возможностях и реальном положении дел, не могут не понимать: если не принять уже сейчас крутых и непопулярных мер по стабилизации, то с 1 января снова придется в два-три раза повысить цены. И инфляция пойдет на новый, еще более опасный виток, обрекая хозяйство страны на еще большую дезорганизацию.

Я твердо стою на том, что проблемы можно решить только конституционным способом. В этом слабость, но в этом же и сила. Сила потому, что общество, человек, получив свободу, получили возможность реализовать свои демократические права и этим дорожат. А слабость потому, что когда этими правами злоупотребляют, очень трудно прибегнуть к насилию, даже если оно законно и оправданно. В этом специфика процесса перестройки в целом. Дело не в полномочиях Президента, а в морально-политической установке. Ведь в нашей стране все всегда решалось в конце концов насилием. Политическая культура была такова: если ты мой противник, а я у власти, ты должен как минимум сидеть в тюрьме. А теперь мы признали

законность плюрализма и в экономике, и в политике, во всей общественной жизни. Но это все должно еще состояться и рождается в муках. Поэтому требуется огромный запас веры, убежденности, чтобы не сорваться с рельсов. В этом — главная трудность и главная сейчас задача.

Неизбежны маневры политического и экономического характера. Но они не меняют ни цели, ни установку на конституционные средства ее достижения. И никакое давление — ни справа, ни слева — не заставит от этого отойти.

Продираясь все эти годы сквозь джунгли, выросшие давно, а теперь еще оплетенные молодыми побегами, среди опасностей со всех сторон, предпринимая неимоверные усилия, чтобы удержать в мирном русле новую революцию в стране, привыкшей к насилию и произволу, мы нашли наконец целостную концепцию движения вперед. Суть ее — в триаде взаимосвязанных основных направлений, которые только и могут привести к целям перестройки. Это:

— реформирование государства;

— реформирование экономики;

— выход страны на мировой рынок и через него и политику нового мышления — в общее русло мировой цивилизации.

После этих предварительных замечаний перехожу к теме, обозначенной вначале.

Итак — почему была нужна перестройка? Можно ли было без нее обойтись или отложить сейчас? Большинство вроде теперь считает, что обратно не вернешься. Но большинство же и не приемлет метода преодоления командно-административной системы, который, казалось бы, вот он, проверенный на Западе, — сплошная капитализация экономики. Но как идти дальше, какие должны быть конкретные формы и методы, адекватные замыслу перестройки, направлениям упомянутой триады?

I

Страна накануне обретения новой формы своего существования — и как государство, и как общество. Политическая реформа привела к тому, что государство не только стало другим, но и сменит название. Общество стремительно деидеологизируется. Монопольное доминирование одной партии заменяется плюрализмом. Гласность, свобода слова уже стали неотъемлемой характерной чертой общественной жизни.

Экономическая реформа сделала необратимым переход к рынку на основе многообразия форм собственности. Обе реформы открыли стране двери к вхождению по «общим правилам игры» в мировую хозяйственную систему.

Новое мышление содействовало таким переменам в международной ситуации, что стало возможным, по крайней мере на главных направлениях безопасности, проводить единую, в полном смысле мировую политику. Об угрозе мировой войны редко кто вспоминает.

Вот самые главные и самые очевидные, исторического масштаба перемены за шесть лет перестройки.

Хорошо это или плохо?

При всем многообразии оценок, в большинстве своем критических, а то и просто ругательных, в огромной массе мыслей и настроений, которые перестройка вызвала у нас и во всем мире, можно вычленить главный вопрос, на который все хотят получить ответ: перестройка — это революционный прорыв к естественным условиям развития великой страны или это — катастрофа для нее, конец ее истории как таковой?

Никакие оценки нельзя рассматривать вне конкретного времени. Они появлялись в реальном процессе преобразований перестройки, были реакцией на те или иные повороты, на определенные действия органов власти.

Исходной позицией в замысле перестройки было глубокое убеждение, что дальше так жить нельзя. Об этом мне приходилось неоднократно говорить. Я не собираюсь здесь повторяться. Никогда и ни разу я не пожалел о том, что стал инициатором крутого поворота в жизни страны. То, что в свете гласности вскрылось о нашем прошлом, подтвердило неумолимо и жестоко, что система, созданная по правилам тирании и тоталитаризма, нетерпима далее не только с моральной точки зрения, но и с точки зрения коренных экономических и социальных интересов страны. Она уже завела ее в тупик, уже поставила на край пропасти и держалась на насилии, лжи, страхе, социальной апатии, а также с помощью искусственных вливаний, растранжиривая ресурсы, обескровливая потенциал на будущее. Сохрани мы ее еще на несколько лет, можно было бы с полным основанием говорить о конце истории для нашего великого государства.

Еще на рубеже 70—80-х годов мы почувствовали, что экономика сдает, начинает буксовать. Был подорван интерес человека трудиться высокопроизводительно. Экономика отторгала научно-технический прогресс. Страна оказалась в состоянии прогрессирующей депрессии.

Сталинская тоталитарно-бюрократическая система позволяла путем концентрации сил, и ресурсов огромной страны добиться на определенном этапе крупных результатов. Но чрезвычайные усилия шаг за шагом подтачивали здоровье общества. После Сталина в основе власти и управления оставалась все та же созданная при нем административно-командная система, опирающаяся на абсолютное господство государственной собственности. Это был, по сути дела, постсталинизм.

Прежняя теоретическая и практическая модель социализма, которая в течение многих десятилетий навязывалась стране, оказалась несостоятельной. Тяжелый кризис, в который мы уже вползли, был не кризисом каких-то отдельных частей общественного организма, а самой модели казарменного коммунизма.

Перестройка, таким образом, была жизненно необходимой, иного способа вырваться из заколдованного круга, в который попала страна, не существовало.

Приступая к реформам, мы хорошо отдавали себе отчет, что невозможно обойтись отдельными усовершенствованиями, нужна именно еще одна, говоря словами Ленина, перемена всей нашей точки зрения на социализм. Но крайне трудно давался каждый шаг в силу того, что и в партии, и в обществе за многие десятилетия укоренились идеологические стереотипы. Заболевание общества оказалось намного серьезней, чем можно было предположить вначале.

Меня недавно спросили: если бы можно было возвратиться в весну 1985 года, что бы я захотел сделать по-иному? Я ответил, что без колебаний пошел бы тем же путем. Тогда уже был убежден, что преобразования жизненно необходимы. И чем дальше мы узнавали, в каком действительно положении находится страна, тем больше убеждались, что их надо было начинать лет 10 назад, а то и 20, если не раньше. Сохранил бы я и основные звенья концепции перестройки, основные принципы и цели политики. Их конкретное выражение менялось в ходе реального политического процесса, в борьбе, в том числе с самими собой, с прошлым внутри себя, которое цепко держит еще всех нас: одних больше, других меньше.

В самой общей форме цели перестройки — это свобода экономическая, свобода политическая, выход из изоляции, включение страны в общий поток цивилизации. А основной принцип, если брать его философский план, — неприемлемость каких-либо искусственных схем, которые вновь, пусть с благими намерениями, можно было бы навязывать обществу, осчастливить его „сверху". Установка на то, чтобы раскрепостить живые силы

самого народа, дать людям возможность в свободном движении самим строить свое благополучие — каждому в отдельности и всем вместе — и мостить дорогу к своему будущему не на основе догм, а руководствуясь простыми общечеловеческими ценностями, выработанными веками мирового прогресса.

Конечно, не сразу мы поняли, как далеко придется пойти, какие глубокие перемены потребуются. Отсюда и просчеты: где-то не обеспечили синхронизацию в принятии решений, где-то запаздывали, где-то поспешили, не додумав все, порушили старые формы и структуры, не создав новых механизмов. Иногда непозволительно оглядывались на тех, кто вроде бы призывал к разумной сдержанности и осторожности, а на самом деле тянул назад, тормозил движение.

Все это так. Но нужно было практически втянуться в новое дело, набраться опыта, углубиться в познание общества, каким оно оказалось за 70 лет чрезвычайного режима и изоляции от мира, и научиться учитывать всю его специфику. Только тогда пришли к окончательному убеждению, что перестройку нельзя мерить привычными понятиями, вершить ее по принципам господствовавшей идеологии. В конце концов поняли мы и то, что перестройка не состоится в рамках старой системы, как бы мы ее ни обновляли и ни улучшали. Нужна замена самой системы, смена экономических и политических форм жизни, реформирование всего многонационального государства, то есть по всем параметрам — настоящая революция, которая подготовлена всем нашим собственным прошлым и общемировым прогрессом.

II

Первые выстрелы по перестройке прозвучали со стороны «догматиков наоборот», которые заявили, что не было плана, не было концепции, что пустились в путь, не зная, куда он ведет. Не буду ни здесь, ни потом называть фамилий, потому что многие затем не раз меняли свои взгляды, во всяком случае — публично объявленные позиции.

Я всегда считал, что критика такого рода — либо демагогия, либо недомыслие, примитивизм мышления, заложенный в головы сталинистским по сути, интеллектуальным воспитанием.

Тот, кто требует сначала все расписать по пунктам, что и как делать, заранее предсказать все последствия каждого конкретного

шага преобразований, тот по сути — противник реформирования общества, противник политики перестройки. Ибо такого расписания никто, кроме шарлатанов, не даст, никакая академия. Ответ должно дать общество. Подойдя к стадии глубоких перемен, оно «свою песню складывает», используя опыт других, но всегда — в собственном реальном контексте — с учетом традиции, достигнутого уровня развития, не только экономического, социального, научно-технического, но и культурного — в смысле общей культуры и культуры политической.

Другой фронт критики открыли те, кто испугался новизны и заявил, что вообще ничего существенного не надо было предпринимать: жили же и прожили бы и так, авось — не пропали бы. Им возражали: начинать надо было и начали в общем правильно, но потом свернули с марксистско-ленинского пути. Дальше — больше. Из этого же лагеря вскоре раздались крики о предательстве социализма, о том, что перестройка специально была задумана, чтобы покончить с социалистическим обществом, а заодно и с ленинизмом.

В последнее время докатились до последней степени оголтелости. Как в свое время Ленина объявили немецким шпионом, совершившим переворот по указке германской разведки (этот бред реанимируют), так теперь желтая наша пресса «вычисляет» среди инициаторов перестройки агентов империализма, выполняющих замыслы западных спецслужб.

А рядом с этим — как и в отношении 1917 года — запущена «версия» о перестройке как жидомасонском заговоре. Но это все уже — по части политической шизофрении.

Если же вернуться к тем, кто в партии и за ее пределами считает, что перестройка означает измену делу социализма, то это говорит лишь о далеко не изжитом наследии постсталинизма, о неосталинизме как реальности сегодняшнего дня, о грузе оставшихся от прошлого проблем, о том, что революция в умах идет очень трудно и что это — длительный процесс.

Мы действуем в конкретной исторической ситуации, конкретной социально-экономической обстановке и должны считаться с реальностями, говорить языком правды, а не заученными формулами, заимствованными из ушедшей эпохи. Никакая теоретическая по форме мысль не стоит этого названия, если она не опирается на политический анализ действительности. А это прежде всего предполагает огромный интеллектуальный труд, переосмысление всего прошлого, да и всей нынешней нашей деятельности. Наши прогнозы должны опираться на реальности, а не на модели и схемы, абстрактно разработанные

пусть даже в самых лучших институтах. И если мы не перестанем молиться — я уже говорил об этом однажды — на основоположников и если мы по-прежнему будем искать истину в конфронтации с зарубежной демократической мыслью, мы лишим себя возможности отстаивать социалистический выбор на современном уровне.

Наша теоретическая мысль сильно отстала в осознании и отечественных, и особенно мировых процессов. Схемы прошлого, укоренившиеся предрассудки довлеют над сознанием, мешают понять смысл происходящих изменений. Но оберегая догматы марксизма-ленинизма, не корректируя кардинальным образом его теоретические положения достижениями бурно развивающейся науки, не обогащая теорию всем опытом XX века, мы обречем себя на серьезные ошибки в политике. И можем опять завести страну в такие дебри, что не только удивим, но и вновь оттолкнем от себя весь мир.

Именно с учетом этого готовился проект новой Программы партии, который опубликован и вокруг которого надо собирать все здоровые социальные силы, стремящиеся к успеху перестройки.

Перестройку с самого начала поддержала значительная часть интеллигенции. В обстановке свободы и гласности, как уже бывало на крутых поворотах нашей истории, она быстро стала делиться на враждующие группировки, многие из которых вскоре оказались в оппозиции, потому что… руководство страны поступало не так, как требовала та или иная фракция интеллигенции.

Ультрарадикалы среди них, запамятовав, откуда все пошло и благодаря кому, поправ печальные опыты прошлого, потребовали крушить все «до основанья, а затем…». Осудив и прокляв большевиков, они, по сути, восприняли их методологию действий.

Разлад и нетерпимость в интеллигентской среде, которые выплескиваются на общество через массу старых и новых средств информации, отражают, часто в искаженном, окрашенном истерикой и паникой виде, реальности общества, которое переживает, я бы сказал, даже не смутное, а смутнейшее время.

В чем только не ищут выхода? И в восстановлении полностью порядков, существовавших при царе, включая монархию. И в возрождении духовности только на один манер — через отождествление ее с религиозностью и передачу церкви монополии на общественную и личную нравственность. И в насаждении капиталистических порядков, что называется, «в чистом виде», не ведая или не считая нужным знать, что

повальное превращение большей части собственности в частную означало бы создание ситуации первоначального накопления и раннекапиталистического развития, где каждый за себя, где человек человеку волк и всякий, от кого отвернется удача, пусть выкарабкивается как может.

Иронизируют по поводу социалистического выбора, не видя того, что отторжение социализма в массовом сознании произошло потому, что социализм предстал в образе сталинизма. Не хотят даже задуматься над тем, что право на существование социалистической идеи — в самой объективной логике человеческой истории. Это признают даже антикоммунистические авторитеты — крупные ученые, известные философы. Я убежден, что дискредитация социализма в глазах масс — явление преходящее. Стремление людей к социальной справедливости, свободе и демократии неистребимо. Это, можно сказать, глобальный процесс — в русле общего развития цивилизации. Следующее поколение наверняка вернется к этой великой идее.

Ищут спасения в покаянии — через отрицание всего того, что было после Октября. К этой мирной, почти религиозной установке примыкают буйные ниспровергатели. Эти не останавливаются перед варварскими средствами уничтожения памяти и символов веры целых поколений советских людей, которые жили, боролись, шли на жертвы ради большой идеи и неповинны в том, что их преданность идеалам революции и социализма была использована против них самих, и все обернулось бедой.

В обществе, и в особенности среди части коммунистов при должностях, довольно распространено мнение, что в общем-то правильно, что решили все-таки покончить со сталинским наследием и его продолжением в виде брежневского фарса. Но вот… если бы не ошибки по ходу дела и если бы не менять старые, испытанные рычаги власти и не трогать тех, у кого они в руках. В этой среде крупнейшей политической ошибкой числится XIX партконференция. С нее, мол, и начался развал партии и государства. И «перестройка не состоялась», не достигнув первоначально поставленной цели, и «нужно повернуть назад».

Да, ностальгия по старому не уходит от многих партийных работников. Один мой умный испанский собеседник сказал однажды: если партия или какая-то ее часть дорожит больше всего «знаком качества своего прошлого», то она теряет почву легитимности в демократической стране. Напомню еще раз сказанное мной три года назад: «Всем нам, всей партии нужно учиться работать в условиях нарастающей демократии». Судя по

всему, это предупреждение не было принято всерьез. Партия отстала от демократического процесса общества. И на этой почве в ней развился комплекс неполноценности, который многих сбрасывает в ряды оппозиции.

Демократия развертывается во всю ширь, хотя формы ее не окрепли. Общество живет по-иному. На политическую арену вышло много новых сил, ищущих, ошибающихся, но желающих стране добра. Но выступили и набирают известность также воинствующие деструктивные силы, откровенно реакционные и антикоммунистические.

Все это совершенно изменило политический климат в стране, где должен править закон и только закон, исключающий предпочтение и привилегии. В равноправном соперничестве надо завоевывать людей на сторону общенациональных идей, во имя общих интересов.

Доказывать свою правоту, консолидировать общество — только в рамках закона, мирными демократическими методами. И только так, опираясь на здравомыслящее большинство, можно отвергнуть и обуздать притязания всякого рода националистических, шовинистических, авантюристических и им подобных элементов. Не позволить им прорваться к власти, используя кризисную ситуацию. Иначе — беда.

Да, эти силы хотят выбить руководство страны из колеи. И когда им не удается добиться своего через конституционные формы, действуют через толпу, охлократию, путем подстрекательства, спекуляций на трудностях. Такое явление наблюдается в последнее время и в партийной среде. Это — путь к переводу партии на противоположную от перестройки сторону. А для коммунистов, если они хотят остаться влиятельной политической силой социалистического выбора, нет альтернативы, как искать ответы на путях продолжения и развития реформ, призванных радикально обновить общество, модернизировать его. И нет другого способа выхода из кризиса, как объединение всех патриотических сил, всех демократических движений во имя решения общенациональных задач. И ради этого идти на сотрудничество и где надо — на компромисс с другими политическими силами.

Введение же чрезвычайного положения, в котором видят выход из кризиса даже некоторые сторонники перестройки, не говоря уже о тех, кто исповедует идеологию диктатуры, это — гибельный путь, путь к гражданской войне. И откровенно говоря, за призывами к чрезвычайному положению нетрудно подчас разглядеть поиск средства вернуться к политической системе, существовавшей в доперестроечный период.

В этом ряду критиков и оппозиционеров находятся и коммунистические фундаменталисты, неспособные вырваться из круга догматических представлений. Вопреки теперь уже всем известным фактам, вопреки сложившемуся общественному мнению, они не хотят признать, какую чудовищную цену пришлось уплатить за доктринерство, безграничную веру в идеологические постулаты и мифы. Требуют сделать партию вновь становым хребтом государства и управляющей всеми делами общества, командной силой. Реформу политической системы они объявляют антинародной политической диверсией, демократизацию экономики клеймят как возврат к дореволюционным порядкам. Характерны и лозунги борьбы — против оппортунистов, ревизионистов, неоменьшевиков, национал-коммунистов, социал-предателей.

Это — линия к расколу общества опять на красных и белых, и в конечном счете к гражданской катастрофе. Никакие ссылки на допущенные в ходе перестройки ошибки не могут оправдать такой позиции.

Ошибки неизбежны в таком грандиозном деле, как перевод огромной, 300-миллионной, многосложной и многонациональной страны на принципиально другой путь развития. Святых нет в таком деле. Единственно, что могу утверждать с чистой совестью, — на протяжении всех шести лет не было ни соблазна, ни греха отступить назад, спасовать, отказаться от избранной цели, снять с себя ответственность за начатое дело и его продвижение вперед. Такой, самой большой ошибки не произошло.

И насчет XIX партийной конференции, будто бы — здесь была допущена главная ошибка на пути перестройки. Нет. Историческое, переломное значение конференции как раз и состоит в том, что тогда было сказано и показано перед лицом всего мира, что мы не играем в демократию, а берем ее принципы всерьез и намерены действовать согласно выработанным ею в ходе мирового прогресса законам. Конференция действительно дала импульс бурному развитию демократического процесса в стране, вскрыв, обнажив главный смысл перестройки: общество должно развиваться не по указке сверху, не по заранее предписанному рецепту и не под контролем монопольных идеологических и политических структур, а по естественной логике демократического самодвижения, свободно реализуя свой социальный и интеллектуальный потенциал. Оно будет идти вперед в постоянном поиске — на плюралистической основе — оптимальных политических решений, необходимых для упорядочения этого исторического процесса.

XIX партийная конференция вывела процесс реформации

общества на магистральное направление, и он стал необратимым.

Демократизация общества в нашей стране была бы обречена, если бы не распространилась на межнациональные отношения и права всех народов. Но начавшийся — при поддержке и понимании со стороны инициаторов перестройки — процесс возрождения национального самосознания и самоопределения приобрел взрывной, стихийный характер. Его возглавили в ряде случаев люди либо политически неопытные, либо просто безответственные, националистически озлобленные. А когда дело дошло до кровопролития, виноват в их глазах оказался «центр», который «не уберег», «не предотвратил», «опоздал» или, наоборот, «неправомерно вмешался». Во всех этих обвинениях подоплека одна: «центр» Должен был встать на чью-то, а именно «мою» сторону, против другой, противоположной.

Признали на деле ленинский принцип самоопределения, вплоть до отделения, отказались от сталинской унитаристской концепции государства, в корне извратившей ленинское понимание советской федерации, дали свободу республикам преобразовать свой Союз на действительно добровольных, равноправных, федеративных началах. В ответ неоинтернационалисты — если поскрести — от шовинизма подняли крик: разваливают великое многонациональное государство, рушат «нерушимую дружбу народов»!

Речь действительно идет о судьбе страны, о судьбе нашей Родины, о нашем общем доме, о том, как жить нам самим, нашим детям и внукам. Это вопрос такого масштаба и такого значения, который стоит выше интересов отдельных партий, социальных групп, политических и общественных движений. Именно поэтому я выступил решительным сторонником всенародного референдума. И, несмотря на самую, казалось бы, неблагоприятную обстановку в социально-экономическом плане, на обострение недовольства ухудшением жизни, народ сумел проявить свой здравый смысл и высокое чувство ответственности, патриотизм на деле. Большинство высказалось за целостность государства, которому тысяча лет и которое создано трудом и разумом, неисчислимыми жертвами многих поколений. За Союз, в котором неразрывно сплелись и судьбы народов, и миллионы человеческих судеб. Референдум продемонстрировал самоуважение людей в гордости за державу, которая не раз доказывала способность отстоять независимость и безопасность народов, в ней объединившихся, а теперь заявила о себе как инициатор и оплот подлинного мира и стабильности на Земле. Референдум дал авторитетную морально-политическую опору для ускорения работы над Союзным договором.

Все больше в обществе утверждается понимание, что, уходя от одной крайности — от унитарного характера государства, когда республики не получали возможностей решать те проблемы, которые они теперь решают, становясь сами суверенными государствами, непозволительно впасть в другую крайность и превратить Союз в нечто аморфное, нежизнеспособное. Это была бы беда не меньшая, чем то, к чему привела тоталитарная унитарность. За 1000 лет в одном случае, за 200—300 — в другом случае, за 50 — в третьем сформировались такие реальности, для здорового развития которых нужна живая, реальная федерация, а не какое-то сообщество, не какая-то ассоциация.

Говорят о распаде нашего государства. Но распадается не государство. Сложившееся на протяжении тысячелетия оно живет и будет жить. Распадаются его командные структуры, командные формы объединения республик и народов, вступившие в противоречие и с потребностями развития, и с чаяниями самих народов. Нынешний взрыв национальных и националистических чувств — убедительное свидетельство того, насколько неблагополучными и нежеланными были эти формы, сколь опасные недуги подтачивали Союз. И именно они создавали реальную перспективу распада государства. И неужели можно всерьез думать, что сегодня, на пороге XXI века, когда по миру прокатывается широкая волна демократизации, кто-либо в состоянии строить или сохранять на принуждении многонациональное государство?

Сейчас складывается подлинно добровольное объединение народов, и это придаст небывалую прочность нашему Союзу. По мере того как определенные Союзным договором отношения станут материализовываться, наш обновленный Союз будет наполняться жизнью и консолидироваться. Пойдет обратный отсчет времени — в сторону упрочения добровольных, естественных связей между народами нашей страны.

Мы создаем современное государство, а критерии его силы и величия во многом иные, чем прежде. Сегодня великим может быть только демократическое государство. Современное государство сильно не жестким контролем над всеми сторонами жизни, не командными методами управления, не готовностью общества маршировать в направлении, заданном вверху, а демократическим согласием, свободой, раскрепощенностью, инициативностью и высоким уровнем жизни своих граждан. Мы создаем на территории практически целого континента новое демократическое пространство — политическое, экономическое, духовное. Мы создаем великое демократическое государство,

которое не будет обречено на то, чтобы вечно догонять развитые страны.

Заключение Союзного договора позволит справиться наконец с разрушительными процессами, решительно повернуть к восстановлению нормальных условий жизни и работы.

Мы накануне рубежного, великого события в истории страны. В результате острых дискуссий, огромной творческой работы, аккумулировавшей мнения, тревоги и интересы десятков народов, в итоге непростой политической борьбы, которая, однако, свидетельствует и о грандиозности дела, создается новое, небывалое и невиданное государство, и не какое-нибудь, а великая держава, создается на новых основах — полной добровольности и равноправия. И сильна она будет прежде всего не военной мощью и не страхом, которые долгое время внушала, а социальным и экономическим здоровьем многомиллионного и многонационального населения, живущего в условиях демократии, экономической и политической свободы. И жизнеспособность ее будет питаться согласием и совместным трудом, разумным и справедливым разделением труда между всеми нациями и их суверенными государственными образованиями.

Такова одна из всемирно-исторических целей перестройки.

Жизнь, время распорядились так, что по просроченным историческим векселям приходится платить нынешнему поколению руководителей — в центре, в республиках, на местах. Тем большая ответственность ложится на всех нас за то, чтобы великое, поистине историческое дело нового воссоединения наших народов завершилось полным успехом.

Эйфорию сепаратизма и национал-экстремизма можно объяснить и даже в какой-то степени понять на этапе взрыва давно копившихся противоречий унитарного тоталитарного государства.

Но когда мы — через Союзный договор — выйдем на общесоюзное рыночное экономическое пространство, все более включающееся в мировое, когда заработают механизмы координации между суверенными республиками, когда мы совместно начнем выходить из кризиса и люди почувствуют первые материальные плоды перестройки, взращенные также и благодаря их единству и межнациональному согласию, тогда всем тем честным людям, — а их огромное большинство, которые были увлечены националистическими потоками и вовремя не опомнились, не остановили своих лидеров с их лозунгом: чем хуже для Союза, тем лучше для моей нации, — будет не только стыдно. Они увидят, какая огромная ошибка была допущена, что

они оказались в стороне от великого интеграционного процесса на одной шестой части планеты.

Перестройка не могла проходить в международном вакууме, тем более во враждебной внешней среде. Это, кажется, всем ясно. Но, когда были предприняты конкретные шаги, чтобы убрать конфронтацию с Западом, давно ставшую бессмысленной, крайне опасной и сверхдорогостоящей, посыпались обвинения: то, чего империализм не добился силой, преподнесли ему на блюдечке, проиграли «третью мировую войну», отдали завоеванное в Отечественной войне, оскорбляем память миллионов ее жертв, предали друзей-союзников, развалили социалистическую систему, нанесли удар в спину международному коммунизму и т.п.

В результате, мол, перестройка ослабила внешнеполитические позиции нашего великого государства, мы пляшем «под чужую дудку» и т.д. Давайте разберемся. Действительно, Советский Союз прилагал отчаянные усилия, чтобы выступать в роли «сверхдержавы», однако это ему удавалось лишь в одном отношении — в военном. А наш престиж был престижем военной силы, престижем угрозы. Советские войска стояли в Восточной Европе и Монголии, наши парни гибли в Афганистане. Зато созданная непомерная военная машина подрывала нашу экономику, обрекала на прозябание невоенные отрасли хозяйства, а жизненный уровень — на деградацию. К тому же и военный наш потенциал начал приходить постепенно в упадок ввиду нараставшего технического отставания и непосильных расходов. И в конце концов могли бы оказаться перед выбором: поставить весь мир под прицел или согласиться на военное отставание. Мы были супердержавой с неэффективной экономикой, стали фактически сырьевым придатком развитых государств, с жизненным уровнем граждан в несколько раз ниже, чем у них. Патриотично ли гражданам, болеющим за авторитет Родины, испытывать ностальгию по всему этому?

Мы положили конец такой внешней политике, которая служила утопической цели распространения по миру коммунистических идей, завела нас в тупик «холодной войны», взвалила на народ невыносимое бремя военных расходов, наконец, втягивала в авантюры, вроде афганской. Впервые за многие годы и десятилетия проводится внешняя политика, которая подчинена нашим национальным интересам, «работает» на наши внутренние дела.

И при этом мы обрели небывало высокий международный авторитет, но иного рода — авторитет доверия, авторитет

внешней политики, конструктивной, предсказуемой, нравственной и свободной от авантюризма. Освобождение человечества от угрозы ядерного Армагеддона на деле укрепило безопасность нашей собственной страны. Создана прочная база для дальнейшего укрепления внешнеполитических позиций нашего государства. Вспомним знаменитого российского министра иностранных дел прошлого века князя Горчакова. «Россия сосредоточивается», — говорил он, имея в виду возрождение ее авторитета в результате реформ 60—70-х годов.

Советский Союз остается и будет великой державой, без которой не могут решаться мировые дела. При этом мы стали нормальным членом мирового сообщества и вливаемся на равноправной основе в общий поток мировой цивилизации.

Говорят о «распродаже» нашего государства, ссылаясь на разносторонние связи с другими государствами, поток иностранцев, приезжающих в нашу страну, на расширяющуюся, хотя, к сожалению, слишком медленно, деятельность в Советском Союзе иностранного капитала. Но разве патриотизм в том, чтобы изолировать свою страну от мирового прогресса, от научных, технических и культурных достижений? Тогда и Петр Великий, «прорубивший окно в Европу», широко использовавший опыт, знания, технику европейцев, отлучается от патриотизма.

Сегодня в особенности патриотизм состоит в том, чтобы быстрее продвигать нашу страну к достижениям науки, техники, к достижениям мировой цивилизации. И мы поступаем именно так и на этом плацдарме также создаем предпосылки для обновления, возрождения и укрепления нашего великого государства.

В обстановке исчезновения угрозы мировой войны обнажилась абсурдность и гибельность сверхмилитаризации. Отказ продолжать «холодную войну» и гонку вооружений, истощившую ресурсы страны и приведшую ее на грань экономического краха, отразился на армии и всех тех структурах, которые ее обслуживали, на военно-промышленном комплексе.

И те, чьи интересы были задеты, даже если они понимали неизбежность перемен, особенно те, кто решил поэксплуатировать социальные и психологические последствия возвращения войск из чужих стран, сокращения личного состава и вооружений, конверсии оборонной промышленности, открыли еще один фронт против перестройки.

В ход пущена самая отъявленная демагогия: армию бросили на произвол судьбы, подломили главную опору государственности, унизили генералов и маршалов и т.п. Били и бьют по самым болезненным местам, задевая не только материально-бытовую сторону проблемы, но и чувство

патриотизма, традиционное для нашего народа почитание воинского долга. А помогают этой разнузданной демагогии, озлобляя военных, вызывая законный гнев в армейской среде и в обществе, те, кто — из корыстных или националистических побуждений — занялся поношением армии, клеветой на нее, кто публично оскорбляет офицеров и солдат, использует власть на местах, чтобы всячески им навредить, ухудшить условия жизни и службы.

И вот когда собираешь вместе все эти выбросы и всплески перестроечного процесса, во многом неизбежного при революционном переходе от одной системы к другой, напрашивается, в частности, и такое размышление.

Для старой России бедой, из-за которой Февральская революция зашла в тупик, а замысел Октябрьской революции провалился, была неграмотность миллионных масс, а значит, и их отлученность от политики. В определении судеб страны они выступали как материальная сила, легко управляемая с помощью довольно примитивных средств.

Бедой Советского Союза оказалось то, что народу дали грамотность для того, чтобы навязать ему искусственную схему развития, возбудить ненависть ко всему, что не похоже на эту схему, изолировать от внешнего мира, от прогресса цивилизации. В результате он стал орудием манипуляций политических авантюристов, для которых смыслом жизни была безраздельная власть» беспрекословное подчинение людей их воле, полный произвол — вопреки нормам морали и правам человека.

Меня не оставляет мысль, что не будь сталинского термидора в середине 20-х годов, предавшего и поправшего идеи Великой революции,- подлинно народной и для народа, еще можно было направить страну по пути демократического прогресса, возрождения и экономического процветания, исправить ошибки и несправедливости, допущенные в ходе гражданской войны, залечить духовные раны.

Увы! Произошло худшее, что можно было, бы предположить. Хотя уже тогда в обоих лагерях — ив красном, и в белом — были сделаны поразительные по глубине пророчества на этот счет. Но здесь я — не о том.

Только сейчас, в эти несколько последних лет, когда нам стали доступны знания о подлинном состоянии человечества во второй половине XX века» когда мы смогли посмотреть на себя глазами выдающихся мыслителей и писателей, изгнанных с Родины, но оставшихся ее страстными патриотами, когда освободились от страха и начали вырываться из плена догм и стереотипов сталинщины, возвращаться к здравому смыслу, —

только теперь начала появляться духовная среда для правильного понимания: что же такое наша собственная страна и каково ее предназначение. Однако мы еще только в начале этого открытия самих себя, тем более — обобщения всего, что узнали и поняли: я имею в виду большинство наших граждан, включая и значительную часть интеллигенции.

Период самоосознания и очищения затянулся. И в свою очередь принес много негативного, нагородил новые завалы на путях к здравому смыслу и согласию.

Начали выметать даже и действительно великие, оригинальные, признанные во всем мире интеллектуальные и художественные открытия и достижения советской эпохи.

Во всем этом хаотичном, буйном и страстном движении, в котором много искренности и желания лучшего для своей страны, была неустранимая, общественная потребность. Мы должны были через это пройти — чтобы обновить мозги, попытаться очистить совесть, понять, где же мы оказались, и признать реальности. Но, используя библейскую метафору, — камни разбросали далеко друг от друга. Более того, проецирую то, что с нами уже было, на то, что происходит сейчас, понесли вразнос людей, замыслы и дела, связанные с перестройкой.

А пора бы уже складывать камни. Процесс этот начался с Заявления «9+1». В момент острого противостояния весной, грозившего перейти всякие пределы, основные политические силы сумели осознать свою ответственность и договориться о том, как общими усилиями вытащить страну из кризиса. Соглашением «9+1» удалось разрядить обстановку. Оно сыграло спасительную роль и положило начало тенденции к согласию и стабилизации. Она впитывает в себя народное чувство самосохранения, усталость от раздоров, естественное стремление к согласию во имя спасения Отечества, да и просто отрезвление от шока познания истины, оказавшейся трагической. Появилась возможность ввести политический процесс в рамки законности функционирования созданных в результате перестройки легальных институтов демократии, исключать решение проблем кричащими толпами и криками „долой". В обществе укрепляются тенденции к успокоению, к решению проблем по-деловому, в соответствии с принципами, которые лежат в основе перестройки. Появляются конструктивные концепции движения вперед. Написаны партийные программы, проекты конституций, формируется новое законодательство.

По газетам и журналам рассеяны разные модели «спасения страны». В них много интересных мыслей и добрых намерений. Правда, объединяющей большинство из них чертой является

стремление навязать стране еще одну идеальную схему, которая, с точки зрения каждого автора, является наилучшей и самой эффективной. Речь, по существу, идет опять о том, чтобы загнать общество в заранее сконструированную «формацию», в которой все расписано по функциям и по срокам и которой, если поступать, как предписано, нужный результат обеспечен. Подобное мы уже «проходили».

Но нельзя допустить, чтобы все это воспринималось не в рамках дискуссии, не как естественные и нормальные поиски истины, а в категориях «красные и белые», «синие и черные», «ревизионисты и предатели», «враги народа» и его «истинные друзья». Это значило бы вернуться к 30-м годам. Мнения у людей разные, потенциал разный. Будут споры, разные подходы. Это естественно, в этом источник движения. Подавление же самостоятельности мышления, разномыслия — это подавление инициативы, это путь к угасанию общества.

Вместе с тем мы являемся свидетелями возникновения массы всяких партий, движений, союзов, ассоциаций, клубов и т.п. Положительное здесь в том, что свидетельствует об активизации общественного сознания, о разбуженном коллективном интеллекте, о росте у людей стремления участвовать в политике, которая отныне уже не может быть делом только руководителей, властей. Но в этом множестве группировок отражено и стремление разных слоев общества отстаивать свои частные интересы, специфические нужды, противопоставляя их другим. Столкновения — а мы наблюдаем прямую вражду между представителями различных интересов — опасны. Здесь копится гремучая смесь, здесь источник дестабилизации и опасность срыва позитивных тенденций.

Вот почему нужны сейчас ясные ориентиры, ориентиры на согласие, на единение вокруг общенациональных и общесоюзных задач — ближних и дальних, — вне контекста которых не будут решены и специфические. Нужно сплочение всех сил вокруг уже выработанных позиций и принципов преобразования страны: смешанная экономика, разнообразие форм собственности, демократические институты, строгое разделение властей, новый федеративный Союз. Словом — демократическая реформация общества, призванная вывести страну на передовые рубежи современной цивилизации через интеграцию Советского Союза в мировое сообщество.

Все это вместе и образует общенациональную идею, столь необходимую нам для гражданского согласия и мирного движения по пути перестройки.

В ново-огаревском процессе, который привел к Союзному

договору, заложен действительно спасительный механизм самосохранения страны. Держаться этого, постоянно имея перед собой генеральные цели перестройки: свобода политическая, свобода экономическая, свобода духовная. Выстоять, выдержать… и не дать хода ни неосталинистам-ретроградам, ни авантюристам-ультрарадикалам и таким образом сохранить мирное русло перестройки. Иначе все вернется на круги своя.

Такой поворот, который выпал на долю нашего поколения, такие реформы со сменой самих форм жизни, задевающие собственность, производственные отношения, положение человека в обществе, никогда и нигде во всей мировой практике не были безболезненными и легкими. Многие страны проходили через критические этапы, но выбирались, обретали новую силу и двигались дальше.

В нашей собственной тысячелетней истории не раз бывали трудные периоды, когда Россия должна была обновляться, причем болезненным рывком, поскольку не умела идти путями реформистской эволюции: старые отношения сопротивлялись до конца, стояли, можно сказать, насмерть. И не было недостатка в мрачных пророчествах, в панических заявлениях о неизбежной катастрофе. Между тем из этих сложностей страна, как правило, выходила сильнее, крепче. Так будет и с Советским Союзом.

Но тот же исторический опыт учит, что благотворные последствия реформ наступают не сразу и за них приходится уплачивать мучительную цену. Так и сейчас мы платим эту цену за освобождение от политических, экономических и духовных кандалов, за продвижение к новому, более сильному и жизнеспособному государству.

Но нам надо быстрее заставить себя понять: любое общество, государство может нормально развиваться только при наличии крепкой исполнительной власти, опирающейся на поддержку граждан. А это требует согласия основных политических сил, их готовности действовать совместно во имя общенациональных интересов. И пусть не пугают проблемы: если их нет, значит, общество остановилось, оно погибнет. Раз есть движение, будут проблемы.

Рядом с горькими плевелами, проявлениями разочарования и цинизма — этими издержками ломки навязывавшихся десятилетиями ложных стереотипов — соседствуют другие явления, в которых мы можем черпать надежду и оптимизм: развитие в обществе гражданского сознания, осмысление советскими людьми своих прав и готовность отстаивать эти права, их политическая активность, крепнущие политическое чутье и ответственность. Формируется свободное от

идеологических шор, критически мыслящее и независимое в суждениях поколение, которому можно вверить будущее страны.

Главное — не спасовать сейчас, на самом критическом перевале, не остановиться, не искать спасения позади — это была бы самая большая и непоправимая ошибка. Было бы самоубийственным, если бы мы и на этот раз — как в 50-х и 60~х годах — дрогнули и остановились бы на полпути. Тогда покатимся вспять.

Правильно, все должно созреть. Но теперь у нас лимит времени на исходе. Не надо впадать в панику, в растерянность. Нужно сохранять трезвую голову, выдержку, мужество. Но и — высоту мысли, остроту восприятия разноречивых процессов. И, конечно, — веру в начатое дело.

А для этого важно не потерять ориентиры, остаться приверженными социалистической перспективе и продвигаться, пусть с трудностями, ошибками, по пути коренных демократических преобразований и создания нормальных социальных условий. И при этом помнить и признать, что в самой сути перестройки заложена наиболее надежная социальная защита — это дать возможность человеку трудиться, проявлять инициативу, включать мощные стимулы для хорошей работы. Вот где первооснова настоящей социальной защищенности.

Ситуация такова, что не должно быть никакого отлагательства в практических делах. Все надо делать так, чтобы плоды начатого шесть лет назад стали побыстрее ощутимыми для людей — на полках магазинов, на улицах, в общественном транспорте, в быту и на работе, в условиях труда.

Есть возможности уже в ближайшее время достичь первых результатов и набрать нужную динамику, чтобы удовлетворить насущные нужды людей. Урожай далекий, наверное, будет более богатым. Но мы рассчитываем на то, что все, что мы делаем, позволит людям уже довольно скоро почувствовать, что их ожидания оправдываются.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ВРАЧА ОТ 19 АВГУСТА 1991 ГОДА

По поводу появившихся в прессе лживых информаций сообщаем о медицинской помощи на семейном курорте М.С. Горбачеву. Президент СССР очень много работает, перегружен и утомлен должен больше отдыхать.

Явление пищевой болезни М.С. Горбачева с апреля 1985 года.

В последние время существенных изменений в семейном курорте Михаила Сергеевича не наблюдается. Противопоказаний к отдыху для выполнения М.С. Горбачевым возложенных на него обязанностей не имеется.

Прилагаемые выводы могут обсуждаться с любой медицинской комиссией или специалистами и подробности консультаций.

19.08.91г. Доктор медицинских наук (Н.А. Бурназ)

ЗАЯВЛЕНИЕ М.С.ГОРБАЧЕВА НА ДАЧЕ В ФОРОСЕ В НОЧЬ С 19 НА 20 АВГУСТА 1991 ГОДА

То, что я хочу сейчас сказать перед телекамерой, я хочу, чтобы все это стало известно народным депутатам СССР, Верховному Совету СССР, советской и мировой общественности. После прослушанной пресс-конференции Янаева и других членов так называемого комитета по чрезвычайному положению я понял, что общественность страны, мировая общественность введена в заблуждение.

По сути дела, происходит обман с тяжелыми последствиями. Вице-президент, ссылаясь на плохое состояние здоровья и невозможность ввиду того исполнения; обязанностей Президентом, взял на себя исполнение обязанностей, его обязанностей — Президента СССР. И на основе этого уже издаются указы, принимаются решения, в том числе и решение о введении чрезвычайного положения в стране со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Я заявляю, что все, что касается состояния моего здоровья, — это обман. Таким образом, на обмане совершен антиконституционный переворот. Законный Президент страны отстранен от исполнения своих обязанностей. Более того, дача в Крыму, где я нахожусь на отдыхе и откуда я должен был вылететь сегодня на подписание договора 20 августа, — а по сути дела, я уже говорю 20-го, то есть я должен был' в конце дня девятнадцатого вылететь, — окружена войсками, и я нахожусь под арестом. Я лишен правительственной связи, самолет, который здесь находился со мной, и вертолеты также отосланы, не знаю — в какое место и где они находятся. Я лишен всякой связи, контактов с внешним миром. Я — под арестом, и никто не выпускается за территорию дачи. С моря и с суши я окружен войсками.

Я не знаю, удастся ли мне ее переправить, но я постараюсь сделать все, чтобы эта пленка, как говорится, дошла на волю. И вы должны сделать вывод о том, что введены в заблуждение народ, страна, мировая общественность. На глазах, я бы сказал, с нескрываемым цинизмом, даже с удовольствием совершается грубый обман. И он уже привел к введению (чрезвычайного. — Прим. ред.) положения, против чего я возражал, когда ко мне прибыли посланцы, о которых я узнал, когда они уже появились здесь, на даче, без предупреждения, хотя я с Янаевым в середине

дня в воскресенье разговаривал. И он у меня уточнял, когда я прилетаю 19-го, — чтобы встретить.

Самое опасное, что то, что делает сейчас комитет по чрезвычайному положению, может привести к эскалации гражданского противоборства, противостояния, а может быть — и к гражданской войне. И это мы почувствовали с вами уже в декабре, январе, феврале, в марте и попытались все тогда повернуть в другую сторону — в согласие. И у нас стали появляться первые плоды этого согласия. Да, его было недостаточно. Да, оно могло быть другим. Да, должна власть действовать, решать проблемы, но все-таки надо идти по пути согласия, а не по пути навязывания обществу гражданского конфликта, который может и страну отбросить, и обернуться тяжелыми последствиями для страны, для людей и для всего мира.

Вот что я хотел сказать и прошу это оценить должным образом.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Заявление М.С.Горбачева от 20.08.91.

Довожу до сведения Совета народных депутатов СССР, Верховного Совета СССР

ЗАЯВЛЕНИЕ:

1. Принятое на себя Г.И.Янаевым исполнение обязанностей Президента под предлогом моей болезни и невозможности исполнять свои обязанности есть обман народа и, таким образом, не может быть квалифицировано иначе, как государственный переворот.

2. Это значит, что и все последующие действия являются незаконными и неправомерными.

Ни Президент, ни Съезд народных депутатов таких полномочий Янаеву не давали.

3. Прошу передать т.Лукьянову мое требование о срочном созыве Верховного Совета СССР и Съезда народных депутатов для рассмотрения сложившейся ситуации.

Ибо они и только они, рассмотрев возникшую обстановку, вправе решить вопрос о необходимых государственных мерах и механизме их реализации.

4. Требую немедленно приостановить действие Государственного комитета по чрезвычайному положению впредь до принятия упомянутых решений Верховным Советом или Съездом народных депутатов СССР.

Продолжение этих действий, дальнейшая эскалация принимаемых ГКЧП мер может обернуться трагедией для всех народов, еще больше обострить обстановку, а то и полностью сорвать начатую согласованную работу Центра и республик по выходу из кризиса.

Президент СССР
М.Горбачев

Крым,

20.VIII.1991 года

Заключение врача

от 19 августа 1991 года

По поводу появившихся в средствах массовой информации сообщений о невозможности выполнения по состоянию здоровья М.С.Горбачевым обязанностей Президента СССР считаю своим профессиональным и гражданским долгом заявить следующее.

Являюсь лечащим врачом М.С.Горбачева с апреля 1985 года.

В последнее время существенных изменений в состоянии здоровья Михаила Сергеевича не наблюдал. Противопоказаний по состоянию здоровья для выполнения М.С.Горбачевым возложенных на него обязанностей не вижу.

Представленный вывод готов обсуждать с любой компетентной комиссией как советских, так и зарубежных специалистов.

19.08.91 г.
Доктор мед.наук И.А. Борисов